

АНДРЕЙ ЕРПЫЛЕВ

В КОГТЯХ
НЕВЕДОМОГО ВЕКА

Андрей Юрьевич Ерпылев
В когтях неведомого века
Серия «Жил-был Анри
Четвертый», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126539
В когтях неведомого века: Крылов; СПб.: 2005
ISBN 5-9717-0008-1

Аннотация

Признайтесь, что вы хотя бы раз в жизни мечтали оказаться в мире, где воплощаются юношеские фантазии о мужественных мушкетерах, прекрасных дамах и мудрых королях. Что ж, современная наука способна на любые чудеса. Однако не обольщайтесь. Отправившись «по блату» в прошлое, вы можете обнаружить совсем не то, что рассчитывали. Звона шпаг, ветреных красоток, коварных подземелий будет предостаточно, но готовы ли вы к настоящим приключениям? Особенно если герои сказок и легенд окажутся гораздо реальнее, чем они представлялись раньше, а вернуться назад по собственному желанию невозможно.

Содержание

К читателям	4
1	9
2	21
3	34
4	50
5	62
6	70
7	83
8	94
9	109
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Андрей Юрьевич Ерпылев

В когтях неведомого века

К читателям

Эта книга ни в коем случае не является историческим трактатом и вообще не имеет ничего общего ни с реальной историей, ни с новым взглядом на нее, получившим известность с недавнего времени. Так что не торопитесь затачивать перья в поисках несообразностей и нестыковок с реальными событиями. Читайте все нижеприведенное лишь шуткой. Абсолютно все имена, фамилии, титулы и клички являются плодом фантазии автора, а все совпадения – чистой случайностью.

При написании книги не пострадало ни одного человека или животного, кроме родственников автора, которым он изредка зачитывал выдержки из своего опуса.

*Жил-был Анри Четвертый,
Он славный был король,
Любил вино до черта,
Но трезв бывал порой...
Александр Гладков. Песенка из кинофильма
«Гусарская баллада»*

...Шевалье д'Арталетт соскочил с коня, нетерпеливо бро-

сил повод слуге и взбежал по крутой лестнице. Миновав анфиладу комнат, он пал на одно колено перед графиней де Лезивье и облобызал ее изящную ручку, затянутую в тонкую перчатку. Дама, порозовев слегка, игриво шлепнула сложенным веером по плечу пылкого кавалера:

– Зачем вы здесь, Жорж? Нас могут увидеть вместе...

– Не волнуйтесь, графиня, я был закутан в плащ и надвинул на глаза шляпу, – возразил шевалье д'Арталетт, продолжая жадно лобзать ручку графини, которую она не торопилась отнять. – К тому же я никого не встретил по пути. Могу ли я...

– Как вы нетерпеливы, шевалье! – Голос графини стал низким и завибрировал от сдерживаемой страсти. – Неужели вы...

– Я проскакал двадцать лье, не слезая с коня, мадам...

– Вы же устали, Жорж! – всполошилась красавица. – Клодетта! Клодетта! Срочно готовь ванну господину шевалье!

У вбежавшей на зов хозяйки горничной (весьма смазливенькой, между прочим) глаза по размеру и форме напоминали серебряные экю.¹

– Госпожа! – затараторила она, едва отворив дверь в будуар графини. – Вернулся граф со своими людьми! Он разъярен, словно тысяча чертей, и готов растерзать вашего гостя на сто тысяч кусков.

¹ Экю – крупная серебряная французская монета XVII–XVIII вв., приблизительно 40 мм в диаметре.

Графиня де Лезивье побледнела, как полотно, почти лишилась чувств и упала бы на пушистый ковер, если бы шевалье не подхватил ее на руки.

— Жорж, кто-то предал нас! — прошептала графиня на ухо своему любимому. — Я знаю, кто мог это сделать! Это Гастон — секретарь графа!

— Каналья! — взревел д'Арталетт, с неохотой опуская даму в кресло, чтобы схватиться за эфес шпаги. — Я убью его!

— Не время, шевалье! — томно простонала графиня, любуясь пылким кавалером. — Бегите, сударь, бегите... Клодетта проводит вас к потайной двери.

— Но когда же мы увидимся снова, Генриетта?

— Я сообщу вам, шевалье. Ждите моего письма...

В этот момент створки двери распахнулись от мощного удара снаружи, и в будуар графини ворвался ее муж граф де Лезивье де Монфред де Шарлеруа дю Рестоне с обнаженной шпагой в руках. За спиной разъяренного сеньора толпился десяток вооруженных до зубов головорезов, в которых только очень искушенный взгляд признал бы ловчих, псарей, садовников, поваров и лакеев. Наличествовал здесь и письмоводитель графа, не утруждающего себя маранием бумаги по причине полной неграмотности, бледный мечтательный юноша, носивший очки в круглой металлической оправе и тайком писавший сонеты в честь многочисленных, ведомых только ему, возлюбленных. Сегодня его было не узнать: сверкающие лютой ненавистью глаза, аркебуза в правой ру-

ке, мясницкий тесак в левой, повязанная красным платком голова... Завершал картину кривой нож, зажатый в зубах.

– Ты здесь, мерзавец? – взревел муж-рогоносец при виде своего удачливого соперника. – Мой верный Гастон был прав! Я заколю тебя как борова, разорву словно лягушку и растопчу словно мокрицу!..

– Лучше забодайте меня! – холодно улыбнулся шевалье, тоже обнажая клинок. – У вас это лучше получится, месье, поверьте мне.

– Защищайтесь же, негодяй! – До графа наконец дошел смысл шутки, и он ринулся на обидчика, потрясая шпагой и кинжалом.

Клинки со звоном скрестились, и графиня упала в обморок. Вернее, упала бы, если бы не сидела в кресле, а так она лишь безвольно откинула голову и уронила на подлокотник обмякшую руку с зажатым в ней веером. Впрочем, в натуральности обморока можно было усомниться, так как из-под опущенных ресниц все-таки поблескивал любопытный глаз...

– Я буду убивать тебя медленно, – пыхтел тучный граф, тесня своего молодого и более стройного противника, который до поры отступал, умело экономя силы. – Чтобы не упустить и крупницы удовольствия...

– А я, в свою очередь, сударь, – огрызнулся шевалье, – постараюсь этого удовольствия вам не доставить...

Шевалье, прижавшись спиной к стене, теперь умудрялся,

сдерживая основного нападающего, отмахиваться и от второстепенных, больше желающих продемонстрировать хозяйину свое рвение, чем действительно отличиться и быть им щедро награжденным... посмертно. Не в меру рьяный Гастон уже корчился у портьеры, зажимая проколотое предплечье руки, которой не скоро придется сжимать перо.

Видя, что граф выдыхается, шевалье шаг за шагом отвыивал у него пространство для маневра, готовясь к решительной атаке.

– Проснитесь, д'Арталетт! – раздался голос графини.

Странное дело: голос этот вдруг потерял свою мелодичность, стал грубым и сиплым...

– Проснись, Арталетов!..

1

...учитывая при этом необходимость коренной переориентации работы сотрудников МВД, в основу которой положить защиту прав и свобод человека и гражданина, безусловное восстановление этих прав в случае нарушения, открытость и доступность всех звеньев, тесное взаимодействие с населением, увеличение численности личного состава милиции, который непосредственно с ним работает...

Из концепции реформирования правоохранительных органов

– Проснись, Арталетов, мать твою!..

Георгий ошарашенно огляделся вокруг, не в силах сразу уразуметь, куда вдруг подевались роскошный будуар восхитительной графини де Лезивье вместе с ней самой, обманутый муж, пышущий справедливым гневом и окруженный толпой головорезов, а главное – шпага, только что сияющей молнией метавшаяся в умелой руке, заставляя отступать противника...

– Заснул, что ли?

Перед прилавком, поигрывая увесистым «демократизатором», возвышался сержант Нечипоренко.

– Здравствуйте, товарищ Нечипоренко! – заискивающе улыбнулся, презирая себя в эту минуту за лакейский тон, Ар-

талетов. – Чего изволите?

Милиционер довольно хмыкнул и прицепил так и не понадобившуюся резиновую дубинку к поясу.

– Непорядок, Арталетов, – заявил он безапелляционно. – Нарушение закона присутствует, понимаешь!

– Помилуйте, товарищ сержант! – Жора даже вскочил со своего раскладного стульчика. – Никаких законов я не нарушаю!..

– Ты мне эти свои интеллигентские штучки брось, понимаешь! – Сержант насупил белесые брови и возвысил голос: – Нарушил – отвечай!

Продавцы у соседних прилавков пялились на Арталетова, неприкрыто ухмыляясь: интеллигентного и малопьющего Жору здесь уважали мало, открыто недолюбливали и теперь были откровенно рады ожидающим его неприятностям.

– В постановлении городской думы от мая сего года, гражданин Арталетов, ясно сказано: «Запретить всяческую торговлю порнопродукцией...»

– Где же вы здесь видите порнографию? – патетически вскричал Георгий, ленинским жестом указывая на прилавок, который аккуратными рядами покрывали книги в ярких обложках.

Никакой порнографии или даже «клубнички», балансирующей на зыбкой грани между дозволенной властями эротикой и недозволенным «этим самым», среди своего товара Арталетов не примечал и был в этом плане совершенно спо-

коен. Первоначальный испуг, пережиток прошлых лет, никому не нужным рудиментом гнездящийся в подкорке любого из бывших «совков», особенно приобщенных к интеллигентскому племени, уже прошел, и Жора деловито прикидывал, сколько придется «отстегнуть» настырному сержанту, ни с того ни с сего взявшемуся качать права.

«Полтинника, думаю, хватит! – решил он, вспоминая, в каком кармане пуховика лежат у него заранее заготовленные для подобного случая пятьдесят рублей. – Невелика птица, да и повода особого нет...»

После того как «приказал долго жить» родной «почтовый ящик», до того десять с лишним лет «лежавший на боку» и без особенной надежды, а главное, энтузиазма боровшийся за существование в условиях «рыночной конкуренции», Георгий Владимирович Арталетов, помаявшись без толку несколько лет на бирже труда и сменив немереное количество мест – от коммерческого директора одной успешной на вид фирмы, на поверку оказавшейся обычной «однодневкой», до кочегара районной котельной, второй уже год и в дождь, и в снег, и в летний зной, и в январскую стужу, – стоял (вернее, сидел) за прилавком с разложенными на нем книгами.

Увы, тот, кто наивно посчитает, будто экс-инженер (и еще множество разных «экс») стал частным предпринимателем, горько разочаруется. Жора, как и еще множество «столочальников» разбросанных по всей Москве «точек», рабо-

тал на известного в книжных кругах столицы дельца Гайка Мкртчана, начинавшего свою карьеру еще во времена книжного голода баснословных семидесятых.

Зараза Гайк, хотя и не выгонял приносящего мизерную выручку «интеллигента», платил мало, да и товар выставлял на его прилавке самый заваливающий (по собственному мнению) – художественные альбомы, словари, энциклопедии, справочники... Ни тебе детективов, строчимых в последние годы дамами-писательницами с плодовитостью крольчих-рекордсменок и пользующихся устойчивым спросом, ни фантастики, ни оккультизма, ни той же эротики. Однако Жора не роптал: хоть зарплата и была мизерной, зато он имел возможность «задаром» читать, читать, читать...

Он быстро втянулся в специфическую «лотошную» жизнь, набив, особенно по первости, немало шишек, научился «контачить» с милицией и рэкето́м, уяснил, кому нужно платить сразу, кого можно помурожить, а кого – и гнать взащей, как обсчитывать рассеянного покупателя или «впаривать» типографский брак (хотя и первое, и второе все равно получалось плохо)...

– Где же вы здесь видите порнографию? – повторил Арталетов, уже нащупав в нагрудном кармане нужную «синенькую», но решив еще побарахтаться для приличия: полтинник-то, без вариантов, придется из своих «отстегнуть», не из выручки!

– А вот! – Кургузый, похожий на сосиску палец, покрытый

редкими рыжими волосками, ткнул в сияющую целлофанированной обложкой роскошно изданную монографию какого-то Топоркова-Задунайского «Обнаженная натура в изобразительном искусстве XV–XX столетий» с репродукцией роскошных телес рубенсовской Данаи. – Порнуха в чистом виде!

– Да разве же это порнография? – попытался воззвать к дремучему интеллекту сержанта Нечипоренко Жора. – Это же Рубенс! Высокое искусство!..

– Знаем мы это искусство! – отрезал Нечипоренко, осторожно сковыривая с розовой упитанной ляжки Данаи невидимую соринку. – Баба есть?

– Есть, – вынужден был признать очевидное Арталетов. – Но...

– Баба голая?

– Не голая, а обнаженная...

– Не играет значения, голая или обнаженная, понимаешь. Или, культурно выражаясь, не имеет роли. Голая натура, причем в вызывающем виде... Чистая порнография. Придется штраф заплатить, гражданин... Как там тебя? Э-э... Арталетов.

– Пожалуйста. – Вздохнув, Георгий протянул милиционеру смятую купюру.

Пятидесятку Нечипоренко брать, однако, не спешил.

– Знаешь, Арталетов, – сообщил он, внезапно подобрав. – Человек ты небогатый, поэтому штраф я с тебя, на

первый раз, брать не буду...

– Спасибо, товарищ сержант! – заторопился Жора, пряча бумажку в карман. – Большое спасибо!

– Обойдемся устным внушением... – подтвердил Нечипоренко.

– Огромное спасибо! – от всего сердца поблагодарил Арталетов, перебив блюстителя закона.

– ...Но безобразие это придется изъять, – закончил блюститель, плотоядно ухмыляясь.

«Четыреста восемьдесят пять рублей! – ахнул про себя Георгий, чувствуя, как земля уходит у него из-под ног. – Да я и третьей части сегодня не наторговал!»

День действительно выдался неудачный: покупателей было мало, да и те, которые изредка появлялись, брели мимо, направляясь к более привлекательным лоткам, окинув выставленный у Арталетова товар брезгливо-равнодушным взглядом. До обеда удалось продать только атлас мира в мягкой обложке какому-то школьнику, ему же русско-английский карманный словарь (не иначе третьеклассник собрался в кругосветное путешествие) да «Справочник садовода-астролога» небогато одетой старушке, торговавшей при этом так, словно речь шла по меньшей мере о покупке «мерседеса», и расплатившейся горстью грязноватой мелочи, самым крупным номиналом среди которой был одинокий пятидесятикопеечник. После обеда дела пошли еще хуже, и Жора с болью в сердце наблюдал, как мусолят не очень чисты-

ми пальцами обложки и страницы, ничего не покупая, хмурые прохожие: Гайк постоянно пенял продавцу за «потерю товарного вида», запрещая тем не менее оборачивать книги пленкой, дабы не отпугивать клиента, который (и книгочей здесь не исключение) всегда и все любит попробовать на ощупь.

И вот теперь этот мент-козлина...

– Может быть, все-таки штраф, товарищ милиционер? – попытался еще побарахтаться Георгий, судорожно стараясь выудить полтинник из нагрудного кармана, хотя спрятал его в боковой. – Или что-нибудь другое возьмите, а?..

– А что, есть еще? – заинтересовался эротоман в погонах. – Засвети-ка!

С монографией Задунайского, будь он трижды проклят, пришлось скрепя сердце расстаться.

– Ты мне еще пакетик дай, Арталетов, – заявил по-дружески Нечипоренко, любовно оглаживая обложку толстого фолианта. – А то снежок сегодня пролетает, не испортилась бы книжечка часом...

– Два рубля... – пискнул было Жора, но, заметив грозно сдвинутые брови представителя власти, безропотно упаковал его халявное приобретение в черный хрустящий пакет с ручками.

– И чтобы не повторялось мне!.. – пригрозил напоследок милиционер, удаляясь в направлении другого лотка.

Арталетов в душе позавидовал Боре Соловейчику, восседавшему по соседству и «ишачившему» на Колю-маленького из Люберец. Во-первых, обирать представителя такого солидного человека сержант наверняка поостережется, а во-вторых – самой дорогой из книжек на его прилавке была «Популярная макроэкономика» в подарочном иллюстрированном издании, которая вряд ли могла заинтересовать Нечипоренко, а «мягких» Донцову с Поляковой по тридцатнику, разваливающихся на составные страницы после первого же открытия, не жалко...

Нахохлившийся под действительно усилившимся снежком Жора попытался снова уйти в свой богатый внутренний мир, но выходило это плохо. Вместо сцены сражения за руку и сердце томной прелестницы со злобным графом и его прихвостнями из закоулков непредсказуемого подсознания все время выплывала самодовольная, цвета свежесваренной свеклы, ряшка Нечипоренко, причем в руках доблестного д'Арталетта, нарушая историческую достоверность, оказывался то многоствольный пулемет с бесконечной лентой, одолженный, видимо, у Терминатора-Шварценеггера, то какая-то первобытная дубина, утыканная динозавровыми зубами...

И только дело наконец пошло на лад в сладких грезах, где шевалье, после серии головокружительных фехтовальных финтов и выпадов, уже готовился словно жука пригвоздить проклятого ревнивца к разукрашенной золочены-

ми гербами стене, как до отвращения бодрый басок снова вытянул Арталетова в грешную действительность.

– Чего почитать посоветуешь, командир? – Жизнерадостный крепыш в черной кожанке и крохотной фетровой кепочке, притулившейся на стриженной ежиком макушке, смахивал зажатой в литом кулаке перчаткой рыхлый снежок, нападавший за время «отсутствия» продавца на кусок полиэтилена, прикрывавший разложенную литературу. Что-то неуловимо знакомое почудилось Георгию в хищновато-веселом прищуре серых глаз, по-борцовски расплюснутых ушах и массивной квадратной челюсти. А может быть, наоборот, проступило сквозь них...

«Чего ему нужно? – со знакомым страхом маленького человечка перед всемогущей криминальной машиной подумал Жора, прикидывая в уме, кем может быть этот „качок“. – „Оброк“ нефедовские неделю назад собирали... Может, залетный? Попробуй отмажься от такого полтинником...»

– Да нет у меня тут ничего интересного... – с опаской ответил он, зорко следя за реакцией «покупателя». – Для вас... – уточнил он, еще раз окинув его оценивающим взглядом.

– А я что, читать, по-твоему, не умею? – ухмыльнулся «качок», по-голливудски сверкнув идеальным рядом неестественно белых, явно искусственных, зубов. – Или вот это, например, мне не интересно? «Ор-фо-э-пи-чес-кий сло-

варь», – прочел он по складам.

– Почему же?.. – осторожно начал Арталетов, незаметно отодвигаясь вместе со стулом настолько, насколько позволял поребрик занесенного снегом тротуара, и прислушиваясь, что же подскажет ему верная интуиция. Верная интуиция недвусмысленно утверждала, что после подобного вступления обычно следует мастерский удар в глаз, как говорится, в качестве «превентивной меры». Отсвечивать пару недель «фингалом» постепенно эволюционирующей цветовой гаммы, распугивая впечатлительных покупателей, продавцу никак не улыбалось, и он постарался увеличить дистанцию. – Очень может быть, что...

– Что может быть? – выцепив из стопки разноцветных томов особенно толстый, крепыш раскрыл его наугад и зашевелил губами, разбирая набранную петитом премудрость: – Что не умею читать?

«„В. В. Переверзев. Реликтовые представители ихтиофауны Обского бассейна“, – машинально прочел Георгий на массивном переплете, постепенно впадая в панику. – Врежет такой „инкунабулой“² по маковке – фонарем не отделаешься! Верный Склиф! И Нечипоренко, гад, куда-то испарился!»

Действительно, отиравшийся вечно неподалеку мент сги-

² Инкунабула – старинная книга эпохи до начала книгопечатания, отличающаяся большими размерами и основательностью переплета. Иносказательно – толстая тяжелая книга.

нул в неизвестном направлении. Добычу, наверное, изучать... Представить хапугу в роли защитника удавалось с трудом, но все же лучше знакомое зло, чем незнакомое. Власть все-таки...

«Качок» тем временем с треском захлопнул том и теперь покачивал его на ладони, как бы примериваясь...

«Все, – пронеслось в голове Жоры. – И не пожил я совсем...»

Перед мысленным взором зажмурившегося в ожидании удара Арталетова в одно мгновение пронеслась вся его небогатая событиями и совсем не отмеченная свершениями тридцатипятилетняя жизнь: детский сад, школа, институт, постылая работа, не менее постылое «безработье», пожилая мама-учительница, забытые друзья-приятели, редкие девушки, так и не ставшие невестами, не то что женами... Пресная и серая жизнь вдруг показалась такой заманчивой и чудесной...

– Забирайте все! – провизжал кто-то неузнаваемый совсем рядом, и лишь через некоторое время Георгий с изумлением узнал в этом вопле насмерть перепуганной мелкой зверушки собственный голос. – И книги, и деньги... Все, все!...

Трясущимися руками, путаясь в неподатливых на морозце «молниях», он принялся вываливать из многочисленных карманов на полиэтилен смятые купюры, разнокалиберную мелочь...

Только опустошив карманы, он, выжатый как лимон, затравленно поднял глаза на крепыша и поразился: мужик беззвучно хохотал, приседая и хлопая себя по обтянутым черной дорогой «джинсой» коленям и запрокидывая голову так, что непонятно было, каким чудом держится на ней кепочка...

Отсмеявшись и вытирая перчаткой набежавшую слезу, «качок» весело глянул на опешившую «жертву»:

– Не узнал, что ли, Арталетт? Богатым, видно, буду...

Георгий взгляделся и тихо ахнул:

– Серый! Ты?..

2

*И стою я утром ранним
Над зеленою волной,
У меня есть три желания,
Нет у рыбки золотой.*

Алла Пугачева

Распаренные, благодатные после сауны, друзья сидели в одних простынях за обильно сервированным столом, развляясь в роскошных креслах, судя по всему если и не из гарнитура знаменитого мастера Гамбса, то уж определенно его ровесниках.

Вообще, обстановка загородного дома Сережки Дорофеева, пардон, Сергея Валентиновича, о котором он запросто отозвался как о «даче», сразила непривычного к подобным излишествам Арталетова сразу и наповал. Вся их с мамой малогабаритная хрущевская «полупторка», включая часть лестничной клетки с лифтом, могла свободно поместиться в комнате, названной Серым «предбанником», далеко не самой, кстати, обширной в этом скромном «дачном домике».

– Ну и как ты дошел до жизни такой? – Сережка чокнулся с Жорой изящной стопкой, наполненной до краев благородным «Абсолютом», литровая бутылка которого уже опустела больше чем на две трети, и, молодецки осушив, задум-

мался, прищелкивая пальцами над столом в поисках достойной закуски. Удостоился «высочайшего» внимания на этот раз крохотный бутербродик с севрюжьей икоркой.

Проглотив кристальную влагу, ледяной рыбкой скользнувшую в непривычный к таким изыскам желудок и взорвавшуюся там жарким фейерверком, Георгий пожал плечами и зажевал ароматную водку ломтиком какого-то восхитительного, тающего на языке копченого мяса.

– Да так как-то... – промямлил он, бесцельно водя вилкой (серебряной, между прочим, да еще с чьим-то вычурным вензелем, глубоко врезанным в массивную рукоятку) по белоснежной скатерти. – То одно, то другое... Я ведь, знаешь, после института-то...

Незаметно для себя Жорка поведал школьному другу все незамысловатые перипетии своей безрадостной жизни, в мазохистском угаре, свойственном российскому интеллигенту, не пропустив ни одной из ступеней своего падения до нынешнего, незавидного, положения. Серега слушал не перебивая, сочувственно кивал иногда, поддакивал да подливал время от времени водку в пустевшие, как по волшебству, стопки.

Когда скорбная исповедь подошла к концу, на столе, рядом с опустевшей, высилась уже вторая, изрядно початая, бутылка, а речь старых друзей приобрела плавный, вычурно-замысловатый стиль.

– Да-а-а... – протянул Дорофеев, сосредоточенно пыта-

ясь пырнуть вилкой в бок верткий маринованный масленок, одиноко вертящийся под штыковыми ударами нетвердой руки посреди обширного блюда, потешаясь, видно, в душе над атакующим его человеком. – Не повезло, я бы сказал, тебе в жизни, Арталетт, не повезло...

– А сам-то ты как? – Жорка попытался усилием воли свети свои упрямо разъезжающиеся в стороны глаза, чтобы взглянуть в лицо друга. – Где работаешь? Женат? Холост? Дети есть?.. Ты же, помнится, с Наташкой...

– Да я тоже так как-то... – Ухватив наконец грибок, опешивший от такого коварства, рукой и отправив его в рот, Серега неопределенно покрутил испачканной рассолом ладонью в воздухе. – Всего помаленьку...

– Новый русский! – ахнул Арталетов.

Конечно, и тачка у него крутая черная, блестящая, и домище такой, и еда-питье... А может, он бандит?

– Еще скажи олигарх! – улыбнулся Серега, но улыбка у него вышла какая-то кривая, недостаточно убедительная. – Не дорос я до «нового русского», Жора, ох, не дорос...

Пьяно «мотыляясь» в кресле, но твердо, будто дуэльный пистолет, держа бутылку, он набулькал ювелирно точные дозы в обе стопки и, приподняв свою, звякнул ею о Жоркину.

– У меня, Жорик, все хотя и не так запущено, как у тебя, но тоже – не фонтан... Выпьем! Бизнес, дорогой мой Жорка, вещь такая... – Он помолчал, подыскивая слова, но махнул рукой. – Вещь увлекательная, особенно поначалу... Ну,

как компьютерная игра! Стрелялка там или аркада... Или ты, или тебя... А потом... Придается все, понимаешь?.. Все это... – Он широко обвел рукой комнату и, завершая жест, рубанул ребром ладони по столу так, что, жалобно зазвенев, подскочила вся посуда, а бутылка повалилась на бок. – Тихо-тихо-тихо... – принялся успокаивать он сам себя.

– Так брось ты его, Серый, этот бизнес! – Жора тоже едва-едва удерживался в вертикальном положении. – Давай...

– Ага! – грустно усмехнулся хозяин, поднимая упавшую бутылку и встряхивая, чтобы оценить визуально, сколько осталось. – С тобой рядом на Новоарбатском встанем...

– Да ты не понял... – смутился Арталетов.

– Нет, уж лучше вы к нам, – невесело пошутил, не слушая его, друг. – А что, это мысль!..

Как и все нетрезвые люди, он легко загорелся новой идеей и в развевающейся простыне принялся расхаживать по комнате, сильно напоминая при этом привидение.

– В Краснопресненский филиал... Нет, ты же не юрист... В Бутово, на завод! Да, точно, управляющим! Опять не то – не твой профиль... А сюда?..

Георгий, понимая краем сознания, что любые планы в таком состоянии строятся даже не на песке, а в вакууме, попытался его урезонить, а не сумев, решил, по школьной привычке, «сменить пластинку».

– А помнишь, Серый, как мы в восьмом классе над Кроликом подшутили?...

В двести семнадцатой школе, где с первого класса учились оба неразлучных друга, Кроликом дразнили учителя физики Лесневского Павла Трофимовича, человека крайне близорукого и носившего мощные очки, что вкупе со вздернутой верхней губой, высоко обнажающей крупные зубы, делало его действительно ужасно похожим на Кролика из мультфильма про Винни-Пуха. Комическая внешность и кроткий нрав обрекали педагога быть вечным объектом множества шуток и розыгрышей, зачастую довольно злых и совсем не смешных... Та шутка, о которой сейчас вспомнил Арталетов, к разряду очень обидных не относилась, как, впрочем, не отличалась и особенным остроумием, но сбить Сергея с «карьерной» колеи смогла успешно...

За обсуждением давних приколов, до которых оба были большие охотники и непревзойденные мастера, «уговорили» вторую «литруху» и принялись за третью. С каждой стопкой разговор принимал все более и более ностальгический характер, а пару раз пьяненькие друзья даже скупно всплакнули, обнявшись, поминая тех друзей, которых «уж нет», и вспоминая тех, кто «далече».

Слова «а помнишь» звучали как строки из песни, а вспоминалось, казалось, давно и прочно забытое, причем то, что в далекие школьные годы хотелось забыть и не ворошить более никогда, вспоминалось с таким умилением, что слезы текли по заглубевшим лицам мужиков, разменявших четвертый «червонец», а лихие «подвиги» давно минувших

дней, наоборот, вызывали смущение...

Понемногу ностальгический запас иссяк, и все чаще оба повторяли уже сказанное ранее. Поймав себя на том, что в третий раз пытается объяснить другу скрытый смысл одной из хитрых каверз, живейшим участником, если не сказать инициатором и вдохновителем, которой тот и являлся, Дорофеев тряхнул головой, с недоумением посмотрел на зажатую в руке рюмку, которую только что использовал вместо дирижерской палочки, залпом осушил ее и вдруг с размаху хлопнул себя по лбу.

– Что ты, Серый? – всполошился Георгий.

– А помнишь, Арталетт, как мы с тобой о машине времени мечтали на нашем чердаке? – пьяно засмеялся тот, шаря правой рукой по столу в поисках вилки, зажатой в левой. – Ты еще мечтал прошлое изменить...

– Конечно помню! – подхватил Жора, самоотверженно вручая другу свою, черенком которой тот тут же, не глядя, принялся тыкать в почти опустевшее блюдо с заливной осетриной. – А ты еще князем там каким-нибудь хотел заделаться или императором... Постой, в каком же классе это было?..

Покачиваясь, Сергей поднялся на ноги, с трудом утвердился в вертикальном положении, величественным жестом, будто римский патриций пурпурную тогу, закинул на плечо конец простыни, изгвазданной всевозможными закусками, и простер длань куда-то в сторону темного окна:

– Пойдем, д-д-друг...

Путешествие двух друзей по сложности маршрута могло соперничать с Магеллановым, причем изобиловало почти такими же трудностями и опасностями. Не раз хозяин терял своего гостя, норовившего прилечь отдохнуть где-нибудь в приглянувшемся ему уголке, но всегда, движимый истинно высокими чувствами, возвращался за ним, а однажды Жорка спас если не жизнь Сергея, то его здоровье, перехватив уже на пороге готовившегося шагнуть босиком и в одной простыне на двадцатиградусный мороз в ночную метельную круговерть...

Они спускались куда-то в неосвещенные подвалы, поднимались по винтовым и парадным лестницам, пересекали анфилады залов... Порой засыпавшему на ходу и просыпавшемуся вдруг Арталетову начинало казаться, что они заплутали в недрах какого-то циклопического сооружения и никогда уже не выберутся наружу... Тогда он оставлял украдкой знаки, по которым надеялся найти дорогу назад...

Так как хозяин все время по ходу путешествия извлекал из разных, известных только ему мест то бутылку, то закуску, которые уничтожались на коротком привале, чтобы подкрепить истощившиеся силы, к рассвету оба перемещаться на двух конечностях уже не могли и понуро брели куда-то на четвереньках. Простыни давным-давно были где-то потеряны, что еще более сближало практически потерявших человеческий облик друзей с представителями царства четвероногих.

Тупо следуя за своим поводырем, Арталетов заметил, что тот остановился, только врезавшись в его ягодицы головой.

– Все, пришли, – лаконично заявил Сергей, отворив очередную дверь и рухнув ничком на пороге. – Вот она... – пробормотал он уже в полусне.

Георгий обвел мутным взглядом совершенно пустую, белоснежную, словно операционная, комнату, залитую ярким светом невидимых ламп, и поинтересовался, бесцеремонно потребив храпящего друга за мощное плечо:

– Кто она?..

Тот приоткрыл один глаз и, со значением поманив Арталетова пальцем, сообщил ему на ухо:

– Машина времени...

* * *

– Прямо-таки настоящая? – допытывался Георгий у хмурого и неразговорчивого с похмелья Сергея, молча прихлебывающего из огромной кружки темное пенистое пиво.

События минувшего дня и последующей ночи вспоминались с трудом. Короткие сцены, вспыхивающие в сознании, напоминали цветные и четкие, но сделанные неопытным фотографом снимки, разглядывание которых похоже на разгадывание хитрой головоломки: вот чья-то нога, вот чье-то плечо, знакомое, но почему-то в совершенно незнакомом платье, половина улыбающегося лица, пойманного в стран-

ном ракурсе... Жоре было мучительно стыдно за свое вчерашнее поведение, тем более что, спускаясь по лестнице со второго этажа, где, оказывается, спал совершенно неглиже, свернувшись калачиком в огромной пустой ванне-джакузи и почему-то обнимая двухкассетный магнитофон, он наткнулся на кривую стрелку, намалеванную на дорогущих рельефных «под штоф» обоях чем-то весьма неаппетитным на вид (на поверку, слава богу, оказавшимся растаявшим шоколадом). Услужливая память тут же выдала омерзительную картинку голого экс-инженера, выводящего, покачиваясь, замысловатый символ огрызком толстой плитки и поминутно облизывающего при этом сладкие пальцы. Смутно припоминалось, что, следуя данному указателю, доморощенный Монте-Кристо надеялся выйти на волю, и теперь оставалось только догадываться, как он собирался это сделать: смахивающая на замысловатый китайский иероглиф стрелка указывала вертикально вверх!

При свете дня подавляющий величием таинственный замок, путешествие по которому заняло добрую половину ночи, съежился до размеров вполне обычного трехэтажного загородного особнячка. Имелись и подвал, и винтовые лестницы, но запутанность маршрута, которым следовали друзья, поражала воображение, тем более что многочисленные указующие стрелы (одну стрелу Георгий каким-то не поддающимся никакому реальному объяснению образом умудрился нацарапать на огромном зеркале!) только усугубляли его об-

щую шизофреничность. Четкие следы (кетчуп, салат «оливье» и растоптанный шоколад) вели также на чердак и выше, но Арталетов побоялся идти по ним: не хватало еще увидеть цепочку отпечатков босых ног на заснеженном коньке крыши...

Хозяин «дворца» отыскался, вопреки ожиданиям в практически вменяемом состоянии, на кухне, где молча созерцал огромную бутылку водки «Smirnoff» с ручкой сбоку, видимо решая вечную российскую проблему, в переводе созвучную шекспировскому «To be or not to be».³ Неподдельная его ненависть к содержимому одного сосуда была настолько очевидна, что Жора решил любыми путями убедить друга не доводить дело до крайности. Слава Всевышнему, в огромном холодильнике оказалось изобилие разнообразного пива.

– Неужели настоящая? – продолжил допрос Арталетов, когда немалое количество животворной жидкости всех оттенков «пивного» цвета, от нежно-янтарного до почти угольно-черного, перекочевало из бутылок, банок, пятилитровых жестяных бочонков и даже одного заправдашно-деревянного в желудки страждущих, а невыносимая мерзость бытия отодвинулась в сияющую даль, прихватив заодно и совесть, изводившую своими непрекращающимися упреками не хуже иной тещи.

– Какая же еще... – вздохнул Сергей, отодвигая опустевшую кружку и по пояс залезая в холодильник, напоминаю-

³ Быть или не быть (англ.) – имеется в виду «пить или не пить».

щий больше рефрижератор средних размеров, за новой порцией пива.

Это была его первая членораздельно изложенная мысль за утро...

– И работает? – запустил новый шар окрыленный успехом Жора.

– Работает, зараза... – сокрушенно промолвил Дорофеев, с бульканьем выцеживая в кружку добрых два литра пенной влаги и надолго присасываясь к ней. – Как часы... – добавил он, отдуваясь и вытирая выросшие под носом белоснежные усы.

– Не может быть!

– Может...

Дорофеев, изобразив на лице мину, более подходящую какому-нибудь алхимику, раздумывающему над дилеммой, бросить в реторту щепотку нетопыриного помета или зуб дракона, пошевелил пальцами над батареей только что извлеченных из недр холодильника запотевших бутылок.

– Тебе какого? Заявляю сразу, что «Хайнекен» закончился. Нет, конечно, в подвале есть, но если ты желаешь именно его – пойдешь сам. Рекомендую «Францисканера» темного. А за «Хайнекеном» пошлем Таньку, когда...

– Да погоди ты с пивом... Ты ею пользовался?

– Танькой? Неоднократно...

– Да нет, ты не понял... Ну, это... Ты сам-то летал в прошлое?

Сергей усмехнулся. Похоже, под благотворным действием пива он постепенно возвращался в привычное расположение духа.

– Ты думаешь, что перемещение во времени походит на полет? Ошибаешься...

В нескольких словах он кратко и энергично, не слишком-то выбирая выражения, пояснил жадно слушавшему его Георгию ощущения путешественника во времени, активно помогая себе руками, поскольку не хватало слов...

Когда остолбеневший Арталетов пришел в себя, кружка его визави почти опустела, да и собственная тоже.

– Не может быть!!!

Дорофеев только молча пожал плечами, всем своим видом говоря: «За что купил – за то и продаю».

– А можно мне... ну это... переместиться?..

Еще одно пожатие плечами, неопределенный жест в пространство...

– Если желаешь...

– Но, наверное, это безумно дорого... – одернул себя Георгий, вовремя спохватившись. – Энергия там и все прочее...

– Кто тебе сказал? – изумился Дорофеев, подозрительно сощурившись.

– Ну... фантастика. Герберт Уэллс, Бредбери, Булычев...

На этот раз высказывался Сергей гораздо дольше и не в пример эмоциональнее и к тому же кроме рук привлекал к

объяснению кое-что другое...

– А куда бы ты хотел? – спросил он друга, несколько оглушенного и узнавшего много нового из области ненормативной лексики, которой его визави владел просто виртуозно.

– А... Это... Возможно только путешествие в то же место, где находится машина? То есть в Россию? – уточнил Арталетов, борясь с охватившей его внезапной слабостью.

– Почему? Ты же отличником в школе был. Помнишь, у старика Эйнштейна: «Пространство и время едины и неразделимы...»?

– Значит, можно куда пожелаешь?

– Хоть на Северный полюс, – заверил Дорофеев на полном серьезе. – Но не рекомендую. Холодно, знаешь...

– И в любую эпоху?

– Хоть до момента образования Земли. Но – опять же – приятного мало.

Георгий осушил свою кружку и торжественно заявил:

– Тогда я хочу в Париж конца шестнадцатого века!

– Шевалье д'Арталетт? – понимающе подмигнул Серый.

Легко в ученье – тяжело в походе, тяжело в ученье – легко в походе!

Александр Васильевич Суворов

- Сил у меня нет смотреть на эту порнографию!
- Целиком и полностью с вами согласен, Лерочка.

Брутального вида мужчина и миловидная женщина средних лет устало курили на скамеечке, с отвращением наблюдая за тем, как на манеже идет процесс обучения выезде некоего долговязого и нескладного субъекта, восседающего на превосходном английском скакуне, словно корова на заборе, – если воображение читателя способно воспроизвести подобную фантасмагорическую картину с достаточной достоверностью.

Даже традиционная жокейская одежда, состоящая из белой широкой рубашки и узких бриджей, заправленных в высокие сапоги, дополненная каской-жокейкой, несколько не придавала ему мужественности. Наоборот, именно благодаря ей всадник казался каким-то инородным приложением к благородному животному.

Даже на легкой рыси, которая вряд ли расплескала бы стакан воды, поставленный на седло «кавалерист» выделял такие кульбиты, которые под силу только мастеру джи-

готовки при бешеном галопе. Помимо вертикальных движений, совершенно бессистемных и нисколько не попадавших в такт движениям скакуна, и качания, так сказать, в продольной плоскости, седок постоянно заваливался то влево, то вправо, с риском вывалиться из седла. Траекторию этого хаотичного движения не смог бы описать ни один гений физики, вкупе с математиком, даже из числа нобелевских лауреатов или кандидатов в таковые. Если, при старте, подобным образом начинает вести себя баллистическая ракета, ее подрывают из соображений безопасности и элементарной жалости.

На лице девушки-бичевой,⁴ держащей в одной руке длинный повод, пристегнутый к уздечке, а в другой – кнут, застыло выражение безразличного удивления, смешанного с состраданием, хотя к кому именно это сострадание относилось – к животному или человеку, было совершенно непонятно. Более того: даже лошадь, отлично вышколенная и за свою долгую жизнь носившая на спине всяких наездников, порой, вопреки всем правилам, за неимением зеркала заднего обзора, поворачивала красивую точеную морду и пыталась разглядеть, что же это за чудо природы восседает на ней.

Очередной урок верховой езды завершился закономерно и традиционно: безо всякого повода со стороны прекрасной «англичанки» седок вдруг взмахнул руками, будто будено-

⁴ Бичевой – помощник тренера при работе на корде, действующий бичом или кнутом.

вещ, сраженный на полном скаку пулей басмача, выпустил повод и, нелепо дернув ногами, рухнул на землю, как куль с зерном или сахаром (и то если не выражаться метафорично), при этом целясь попасть именно под копыта. Естественно, одна нога запуталась в стремени, и наездник потащился бы по земле, щедро нанося себе дополнительные повреждения, если бы опытная лошадь не встала как вкопанная, умудрившись так переступить тонкими ногами, чтобы не задеть тяжело ворочающегося под ней человека. Всем без исключения зрителям показалось, что она при этом облегченно вздохнула.

– Ну и на фига попу баян? – горько спросила Лерочка своего соседа. – Тут и слепому видно за версту, что ни малейших способностей к верховой езде у этого деятеля нет. За столько уроков даже медведя, наверное, можно было научить худо-бедно сидеть в седле...

– Да-да, – поддакнул мужчина, умудряющийся, незаметно для желчной красавицы, оглаживать ее «круп», круглый и гладкий, словно у кобылы чистейших кровей. – Даже микроскопического прогресса не наблюдается... Вы бы, кстати, видели, как он держит рапиру!

– А что, – заинтересовалась дама, – наш кавалерист еще и в фехтовании упражняется?

– Угу. И в стрельбе из пистолета.

– Да он настоящий многостаночник! Интересно было бы взглянуть.

– Ну-у... – пожал плечами учитель фехтования. – Эстетического наслаждения, конечно, не гарантирую, но нечто напоминающее старомодную комедию с участием Дугласа Фербенкса или Чарли Чаплина вы увидите. Если, конечно, это чудо сегодня будет в состоянии встать в ангард...

– Куда, извините?

– В позицию, удобную для боя. Видите ли, после того как он нае... простите, грохнулся с седла, ему это будет непросто.

– Ничего. Насколько я заметила, наш будущий супермен довольно вынослив, и это, вероятно, единственное его положительное качество...

– Замечательно... Так я в четыре часа вас жду?

– По рукам!

– Разговорчики в строю! – одернул расшалившихся тренеров неслышно, по-кошачьи, приблизившийся к ним с тыла грузный, но перемещающийся с необычной легкостью, коротко стриженный человек в камуфляже. – Вам за что бабки платят? За то, чтобы хозяйского гостя своим премудростям учили или лясы тут точили? Не слышу ответа!..

Спортсмены пристыженно молчали, опустив головы, будто десятиклассники, застигнутые завучем врасплох за целомудренным юношеским поцелуем в школьном гардеробе. Лера к тому же покраснелась, будто маков цвет, и незаметно отодвинулась от чересчур длиннорукого (вероятно, профессиональное качество) мастера клинка на «пионерское» рас-

стояние.

– То-то, – удовлетворенно пригладив короткопалой лапшей седой ежик на макушке, заметил старый служака. – А то взяли моду – начальство обсуждать!..

* * *

Последующие за памятным разговором дни ушли на тщательную подготовку к путешествию во времени.

Несмотря на кажущуюся беспечность, Дорофеев отнесся к отправке друга в неведомую даль совершенно серьезно. Иначе, впрочем, и быть не могло, ибо редкий представитель его опасной профессии выживает среди «акул бизнеса», если не уделяет должного внимания мелочам.

Во-первых, именно он резонно заметил, что без гардероба, соответствующего эпохе, в средневековом Париже делать нечего, если не желаешь прямым ходом угодить на костер за колдовство или, в лучшем случае, в дом умалишенных. Уже на следующий день Жоре пришлось перемерить бесчисленное множество колетов и камзолов, батистовых рубашек с плиссированными воротниками и коротких панталон... Все подошедшее споро подгоняли по фигуре две многоопытные костюмерши с «Мосфильма», видимо щедро оплаченные «спонсором» и поэтому не задающие лишних вопросов, а будущему путешественнику во времени оставалось только стоически терпеть булавочные уколы и беско-

нечную болтовню дамочек ну очень бальзаковского возраста.

Костюмы, кстати, поступили с «мосфильмовских» же складов. Очередной раз уколол свой живой «манекен» в довольно интимное место, Матильда Ксенофонтовна, старшая из костюмерш, со смехом поведала шипящему от боли Арталетову, что именно в этом костюме лет тридцать назад в «Собаке на сене» дебютировал в «мушкетерском амплуа» сам Михаил Боярский, причем был уколот юной тогда костюмершей именно в это самое место.

– Представляете себе, Жора! Он таки выражался при этом точь-в-точь как вы сейчас! Вы каким-нибудь боком не родственники?..

Насколько юна была в то время Матильда Ксенофонтовна, Жора оставил на ее совести, но упоминание о знаменитом актере и певце, особенно в данном контексте, ему польстило...

Впрочем, уколы «жриц иголки и булавки» были сущим пустяком по сравнению с тем, что предстояло будущему д'Арталетту через некоторое время...

– Ты знаешь, Жора, что такое чума? – спросил его как-то Сергей за вечерним ликером, щедро разбавленным водкой (или, наоборот, водкой, слегка сдобренной ликером). – В самых общих чертах хотя бы...

– Ну, это... – смешался Арталетов, едва не подавившись

своей амброзией,⁵ вспомнив вдруг, совсем некстати, что чума, оспа, холера и подобные им прелестные хвори выкашивали в средневековые миллионы людей, начисто опустошая города и целые страны.

— А холера? — продолжал безжалостный инквизитор, не дожидаясь ответа. — А черная оспа? А тиф? А проказа, в конце концов?..

Выслушивал окончание страшного перечня Георгий уже в полуобморочном состоянии...

Следующую неделю он вынужденно провел в постели, причем большую часть ее — лежа на животе и проклиная извергов-эскулапов, понятия о милосердии у которых лежали в несколько иной плоскости, чем у незабвенного Гиппократа, клятву которому обязаны давать сейчас все, мечтающие посвятить себя истязанию себе подобных. С детства ненавидевший прививки и боявшийся шприца так, что закатывал форменную истерику при первом позвякивании этого милого инструмента (тогда еще совсем не одноразового), Жора безропотно сдался им в руки после того, как Серый в свойственном ему образном стиле поведал лишь о малой толике тех прелестей, которые ждут неподготовленного человека в глубине веков. Особенно действовало красочное описание прокаженных, бродивших по дорогам Европы еще лет двести назад в балахонах из мешковины и с колокольчиком

⁵ Амброзия — нектар, божественный напиток, который, согласно мифологии, употребляли олимпийские небожители, чтобы сохранить бессмертие.

в руках, дабы предупреждать всякого пешего и конного: навстречу движется медленная и жуткая смерть...

Столь массированная вакцинация опытных врачей из Института тропической медицины, приглашенных на дом, надо сказать, не удивила: доллары, они и в Африке зеленые, а сумасшедшие экстремалы сегодня посещают не только относительно безопасные Турцию с Египтом (бомбы террористов не в счет), но и весьма враждебные слабенькому европейскому организму экзотические страны. Увы, неперемоглого условия о христианском милосердии к прививаемому в контракт внесено не было... А жаль.

После того как Арталетов смог более-менее нормально сидеть, им, под руководством начальника охраны дорофеевской фирмы Нефедыча (отчество это было или производное от фамилии прозвище, Жора так и не узнал), занялись инструкторы по выездке, фехтованию, стрельбе, средневековым танцам, языку и культуре, и прочая, и прочая, и прочая...

Шпагу (почему-то похожую больше на отошавший до безобразия обоюдоострый меч с невообразимой острой гардой) вскоре д'Арталетт смог держать весьма уверенно, хотя вряд ли отбил бы ею даже от вусмерть пьяного инвалида, вооруженного не перочинным ножом, а зубочисткой, но вид друга, восседающего верхом на смиренной лошади, вызывал у Дорофеева взрыв прямо-таки гомерического хохота.

А знакомые всем по фильмам о мушкетерах потасовки в

придорожных кабаках?

– Смотрите внимательно, Георгий Владимирович. – Нефедыч, вероятно, в сотый, если не двухсотый, раз демонстрировал своему ученику простенький, в общем-то, прием, позволяющий человеку, имеющему о нем представление, остаться целым и, возможно, даже здоровым после случайной стычки с хулиганом, вооруженным ножом. – Вот эту руку – сюда, эту – сюда. Подсечка... Оп!.. Понятно?

– Вроде бы да...

– Вроде или понятно? – терпеливо уточнил инструктор, словно врач, имеющий дело с особенно редкостным типом олигофрена, способным обогатить психиатрическую науку.

С любым другим курсантом, которых через его руки прошло множество как в годы службы, так и на «гражданке», он, конечно, не церемонился бы, либо научив (в девяноста пяти примерно процентах случаев), либо... Но тут имело место ясное и недвусмысленное указание шефа – не калечить ни в коем случае, даже синяков не набивать. Хотя... Порой старому спецназовцу казалось, что лучше будет все-таки наплевать на солидные «зеленые» нули дорофеевского жалованья и решиться на несколько лет отсидки... Он был твердо уверен, что после тщательного расследования убийства заслуженным ветераном некоего не особенно отличившегося в жизни гражданского субъекта ни один суд не даст слишком большого срока...

– П-понятно... – Жорины глаза неотрывно следили за мо-

гучими лапами учителя, которыми тот только что, будто переваренную макаронину, скрутил в бараний рог манекен.

– Слава богу!.. Давайте попробуем.

Нефедыч взял со стола учебный резиновый клинок и несколько раз продемонстрировал в замедленном ритме удар.

– Я буду делать вот так, а вы – как я показал до этого. Готовы?

– Д-да...

– Работаем!

Увы, «нож», не встретив никакого сопротивления, вошел в соприкосновение с грудью «курсанта», замороженно следившего за его движением. Рука вояки бессильно повисла.

– Ну что же вы, Георгий Владимирович?..

– А? Давайте повторим...

– Георгий Владимирович, в реальной схватке у вас не будет возможности повторить, поймите это... Я же угодил вам ножом точно в сердце!

– Правда?..

Нефедыч возвел очи горе, но вовремя взял себя в руки.

– Знаете, – деловито заявил он, всучивая, едва ли не насильно, «нож» ученику. – Давайте попробуем поменяться местами. Нападать будете вы, а я в замедленном ритме покажу вам прием. Хорошо?

Арталетов молча кивнул и попытался принять стойку нападающего, которую они с грехом пополам разучили за пару

занятий.

– Ну что это! – Спецназовец снова опустил руки. – Вы хоть лицу придайте зверское выражение! Неужели это так трудно? Ладно, ладно. – «Зверская» физиономия Жоры живо напомнила ему некого представителя семейства рукокрылых, виденного совсем недавно по телевизору. – Сойдет... Работаем!

Грохот. Сдавленный писк откуда-то из-за манекенов...

– Слушайте, – Нефедыч, задумчиво поигрывая отобранным «кинжалом», присел на корточки над тяжело ворочающимся «курсантом», – вы из каких приходите?... Ну, из крестьян, из рабочих?..

– Мама говорила, что наш род происходит из Гедиминовичей, – со сдержанной гордостью ответил Арталетов, выпутываясь из растопыренных конечностей пластикового болвана. – Ее дедушка был дворянином Смоленской губернии...

– Оно и видно... – тяжело вздохнул инструктор, поднимаясь на ноги и легко, одним движением, выдергивая из ловушки Георгия.

– Что видно?

– Как вы Гражданскую войну продули.

– Ну вы-то точно приходите из пролетариев! – обиженно надулся Жора, созерцая лопнувшую на плече по шву «олимпийку».

– Эт точно! – легко согласился вояка и похлопал подопечного по плечу: – Все. На сегодня занятия окончены...

– Вы убийца, Сергей Валентинович! – проникновенно заявил он десять минут спустя, представ перед хозяином, дующим пивко в кабинете. – Разве можно это... этого... – Он поплутал еще некоторое время в дебрях «великого и могучего» и, наконец, выдал: – Эту мишень отпускать на серьезное дело без провожатого?

– А куда я его отпускаю? – прищурился Дорофеев. – Выкладывай...

После того как Нефедыч изложил все свои догадки и опасения, старые товарищи засиделись допоздна...

– Ты пойми, старик! – втолковывал шеф подчиненному, полубокая его и упершись лоб в лоб. – Его же матушка воспитывала, интеллигентка, да к тому же из дворян... Голубая...

– Голубая? – вскинулся спецназовец, уже задремывающий слегка.

– Да кровь голубая! Дворяне – белая кость, голубая кровь...

– А-а-а...

– Если бы не я, его в школе затюкали бы... Понимаешь?..

В конце концов сообща порешили, что шевалье будет мирным, очень вежливым и осмотрительным путешественником, толерантным к религии любой конфессии и к тому же странствующим пешком из-за данного им в юности обета.

И вот наконец настал миг, когда Сергей и Жора, выраженный в шутовской костюм шестнадцатого столетия (разве что без бубенчиков), в плаще, дорожных сапогах и берете с пером, да еще и с нелепо длинной шпагой на боку, вошли в заветную комнату. Отпущенная за пару недель борода «а-ля Ришелье» и щегольские усики ужасно мешали, щекотали нос и щеки, и только недюжинным усилием воли новоявленный д'Арталетт подавлял в себе детское желание все время трогать эту непривычную растительность. Несмотря на тщательную подгонку, все детали одежды давили, кололись, раздражали. Широкий гофрированный воротник безбожно натирал шею. Берет, вероятно, носили приколотив к голове гвоздиком, чтобы он не сползал на ухо или нос. Эфес шпаги при первых же шагах до синяка намял бедро... Тяжела же была ноша дворянина в давно минувшие времена! Но... Назвался груздем – полезай в кузов.

Сергей собственноручно надел на шею друга небольшой круглый предмет на цепочке, напоминающий старинные карманные часы.

– Вот и сама машина времени.

– Такая маленькая? – изумился Георгий.

– Маленькая? – опешил Дорофеев. – Я бы сказал – огромная! Хотя... Это ведь только рабочий элемент машины, ко-

торый всегда будет при тебе, а сама машина – она вокруг... Да, да, машина вокруг тебя, – подтвердил он, видя недоумение друга. – Вся эта комната – машина. Я сам не очень-то разбираюсь в тонкостях, но каким-то образом она и вокруг, и в этом маленьком предмете.

– Как это?

– А Бог его знает! – беспечно пожал плечами Сергей. – Парадокс, одним словом... Или диалектика?

Уже сидя в специально принесенном из гостиной кресле посреди ослепительно-белой, как операционная, комнаты-машины, Арталетов спохватился:

– Слушай, а откуда это все?.. – Он обвел рукой комнату. – Как тебе это удалось? Неужели...

– Да ты что, – не дослушав, расхохотался Серый. – Шутить? Ты помнишь, что у меня в школе было по математике и физике, да и по остальным наукам заодно?

– Тогда – как?..

– Спонсорство, Георгий, большое дело! – назидательно подняв палец кверху и полюбовавшись им, изрек Дорофеев. – В нужное время и в нужном месте – особенно...

Пока Сергей колдовал где-то в другом конце комнаты, Жора сидел молча, откинув голову на высокую спинку кресла, и чувствовал себя космонавтом, которого вот-вот должны запустить куда-то в тартарары верхом на многометровой цистерне, доверху заполненной чертовски взрывоопасным топливом. «У нас еще до старта четырнадцать ми-

нут...» – крутилась в голове строчка из полузабытой песенки безоблачного пионерского детства.

– Только не удивляйся, Жорка, если найдешь там не то, что ожидаешь, а нечто совсем другое... – внезапно проговорил невидимый Серый, неслышно подойдя сзади. – Не бойшься?..

– Чего уж... – глухо ответил Арталетов, понимая, что «четырнадцати минут до старта» у него уже нет.

– Тогда присядем на дорожку?..

* * *

Серый, как всегда, оказался прав...

С полетом происходящее с Георгием и окружающим его пространством не имело ничего общего... Разве что огни, изредка вспыхивающие тут и там в окружающей его клубящейся и пульсирующей темноте, напоминали не то аэродромные, не то габаритные, но стоило всмотреться пристальнее – сходство сразу исчезало.

Жора висел в центре какого-то непонятного пространства, не имеющего видимых границ, но ощутимо замкнутого. Висел, сидя и ощущая под собой кресло, которого не было, пол под ногами, которого тоже не было, и вдыхая воздух, которого опять-таки не было... Накатывали ощущения, сходные то с тошнотой, то с опьянением, то вообще не имеющие сходства ни с чем ранее испытанным... Порой Арталете-

тову казалось, что он вывернут наизнанку и теперь его внешняя оболочка вместе с неудобным костюмом и даже шпагой находится внутри, бесстыдно выставляя незащищенные внутренности... Иногда он виделся себе разъятым на самостоятельно живущие части, а иногда словно бы объединялся самым противоестественным образом с кем-то другим...

Сжимая в руках «мини-машину», Жора, чтобы отвлечься, нащупывал пальцами незаметные непосвященному выступы на ее поверхности и твердил про себя слова Дорофеева, будто боясь позабыть: «Если захочешь вернуться, поверни вот эту штучку вот так, вот эту – вот так, а вот эту – нажми...»

Внезапно накатила такая волна горечи от расставания с другом, возможно навсегда, что на глазах выступили слезы.

– Эх, зря я отказался от Серегиного «посошка»! – вслух пожаловался Георгий и тут же пожалел о сказанном.

Слова, эхом подхваченные неведомыми слушателями, окатили его водопадом какофонии, переиначенные, разбитые на части, произнесенные наоборот...

– Зря я!.. Посошка!.. Калзатока! Акшосоп! – выло, визжало, шептало, декламировало отовсюду на разные голоса, со всеми известными и неизвестными интонациями, ревербируя, дробясь, плавясь... – Ногоресеге! Тоярз!..

По мере того как голоса невидимок сливались в монотонный шум, напоминающий рев морского прибоя, а огни мигали все чаще в каком-то непонятном ритме, Георгий постепенно впадал в гипнотическую прострацию...

4

*А Гильоме!.. – Здесь нынче тон каков
На съездах, на больших, по праздникам
приходским?*

*Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским?..
Александр Сергеевич Грибоедов. «Горе от ума»*

Пришел в себя Георгий в полной темноте.

Он сидел, опираясь спиной на что-то совершенно реальное и твердое, как доска, под сидалищем тоже чувствовалась твердь, правда слегка пружинящая, а на лицо время от времени падали какие-то брызги.

«Неужели получилось? – пронеслась в мозгу крамольная мысль. – Да нет, фантастика! Дурак ты, Арталетов, купился, как первоклашка, на очередной Серегин розыгрыш...»

Вот сейчас вспыхнет свет и улыбающийся во все свои тридцать два металло-керамических зуба Серый заявит что-нибудь типа: «Такой большой вымахал, а все в детские сказки веришь...»

Жора оперся было рукой, чтобы подняться на ноги, и тут же отдернул ее, будто обжегшись.

Под пальцами явно ощущалась трава. Обычная трава, в меру колкая, в меру мягкая, мокрая от ночного дождя...

Но ведь сейчас-то февраль месяц!

Осторожно, словно боясь чего-то, Георгий сорвал пучок невидимых в темноте стебельков и, растерев в пальцах, поднес к носу. И пахло обычно: травой, лесной прелью, мокрой землей, раздавленным лесным клопом, еще чем-то неуловимым.

Кто-то живой, возможно безутешный товарищ или близкий родственник несчастливого травяного обитателя, тут же, словно подтверждая очевидный факт реальности окружающего, свалился за шиворот и покатился по спине, немилосердно кусаясь при этом. Клопиная вендетта, это вам не шутки! Тут уже Георгию стало не до интеллигентских рефлексий...

Избавляясь от не в меру агрессивного насекомого, Арталетов не заметил даже, как привык к темноте и начал понемногу различать окружающее. Обычный лес или парк, судя по шороху капель сверху – лиственный, температура вполне летняя, накрапывающий дождик не вызывает очень уж неприятных ощущений... Так все-таки получилось?!

Нет. Торопиться с выводами не следует. Вдруг все же розыгрыш. Скажем, какой-нибудь укольчик хитрый или таблетка, самолет и... здравствуй, Сочи. Или Таиланд какой-нибудь. Не будем спешить...

По щиколотку увязая подошвами сапог в мягкой лесной почве и поминутно цепляясь то плащом, то вычурным эфесом шпаги за все встречные-поперечные кусты, Георгий выбрался из-под крон деревьев на более или менее открытое

место. Дождь усилился и стал не таким уж приятным. К тому же давешний клоп, о существовании которого путешественник начал забывать, почитая благополучно раздавленным, очнулся от обморока и возобновил свои посягательства... Словом, случись в этот поздний час на опушке леса нечаянный прохожий, он наверняка осенил бы себя крестным знамением при виде призрака в развевающемся плаще, исполняющего папуасский танец Обретения Мужественности...

Клоп, сражающийся до последней капли чужой крови, сыграл и положительную роль: вытряхнув его наконец из-под колета, (хотелось бы думать, что мертвого, но убедиться в этом мешало недостаточное освещение), Жора невольно повернулся лицом к тому месту, в котором всего на какую-то секунду мигнул далекий огонек...

* * *

К стоящему у развилки дорог одинокому зданию Георгий, шлепая по лужам сапогами, безбожно промокавшими (а что бы вы хотели – «мосфильмовский» реквизит!), вышел, когда небо на востоке, почти очистившееся от туч, уже налилось розовым колером. Еще издали он понял, что если и не в прошлое, то уж куда-то в Европу его Дорофеев точно закинул.

Живописно, нужно заметить, выглядело это строение: покосившееся, сложенное из дикого, кое-как отесанного камня, двух-, нет, полуторазэтажное (нижний ярус до самых

окон, узких, как амбразуры, к тому же прикрытых решетчатыми ставнями, врос в землю), крытое черепицей и украшенное какой-то невообразимой башенкой с флюгером в виде петуха, видимо давно и навечно приржавевшим к штоку и теперь глядящим совсем не в ту сторону, куда дул утренний ветерок.

Вместо фальшивого флюгера ветерок раскачивал висевший над дверью фонарь, под которым Арталетов разглядел некое подобие вывески: нечто длинное, имеющее сходство и с человеком и с рыбой; располагая определенной толикой фантазии, не без труда можно было опознать русалку. Или водяного. Точнее сказать было трудно, ибо, присмотревшись, можно было явно различить оба половых признака, то есть и бороду, и, к-хм, солидных размеров бюст...

Чудовище, задняя, рыба, часть которого неведомому художнику удалась гораздо лучше передней (с натуры рисовал, не иначе), сжимало в трехпалой руке мастерски выписанную пивную кружку, украшенную пенной шапкой, один вид которой заставил Жору ощутить зверскую жажду и вспомнить, что он ничего не ел и не пил уже несколько часов.

Помянув про себя нехорошим словом местных живописцев, творящих в неповторимой манере Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова, и не надеясь на особенный успех (кто же работает в такую рань?), Георгий толкнул темную от времени щелястую дверь, висающую на монументальных кованых петлях...

Дверь оказалась не заперта, и за отсутствием всякого рода сеней или тамбура «шевалье» сразу очутился в полутемном помещении, заставленном широкими столами, сработанными, конечно, в расчете на богатырей, и такими же мощными скамьями.

Озираясь по сторонам, путешественник не сразу обнаружил хозяина заведения, едва заметного из-за высокой стойки, наподобие буфетной.

– Un bon matin,⁶ – вежливо поздоровался Жора, решив придерживаться той версии, что он все же очутился во Франции. – Vous le maotre de cette institution?⁷

Абориген, имевший, кстати, вид совсем не располагающий к доверию, возможно из-за неопределенного цвета пиратской «банданы», повязанной на голове, буркнул что-то неразборчивое и отвернулся.

– Je voulais commander au cercle de la biere,⁸ – решив, что бармен, наверное, скорбен слухом, громко продолжил Арталетов.

На этот раз человек за стойкой проявил к вошедшему больше внимания и, нырнув на мгновение куда-то в недра своего оборонительного сооружения, зашуршал там чем-то невидимым.

⁶ Доброе утро (франц.).

⁷ Вы хозяин этого заведения? (франц.)

⁸ Я бы хотел заказать кружечку пива (франц.).

– La biere... nous ne tenons... pas,⁹ – сообщил он, запинаясь чуть ли не на каждом слове, минуты эдак через две, причем с ужасным акцентом, не то что с нижегородским, а... – Le monsieur...¹⁰

– Comment tellement?¹¹ – возмутился Георгий. – Mais comment la representation a l'enseigne?¹²

– La representation a l'enseigne...¹³ La representation a l'enseigne... – забормотал странный бармен, почти полностью скрывшись из вида, потом, видимо отчаявшись, взгромоздил на стойку огромный «гроссбух», растрепанный и похожий на кипу макулатуры, и принялся яростно листать его, слюня время от времени пальцы. – La representation a l'enseigne... Как же это сказать-то?..

– Что вылупился, чурка с глазами? – ласково спросил он, пристально глядя в лицо Арталетову, потерявшему от изумления дар речи. – Не понимают ни черта, заразы шепелявые, а ты тут объясняй им... Как это сказать-то? La representation a l'enseigne...

– Так вы русский?!..

⁹ Пива не держим (франц.).

¹⁰ Сударь... (франц.).

¹¹ Как же так? (франц.)

¹² А как же изображение на вывеске? (франц.)

¹³ Изображение на вывеске... (франц.)

– И шастают тут, и шастают, – ворчал себе под нос кабатчик, разочарованно пряча под стойку свой словарь-гроссбух и яростно протирая совершенно сухую стойку перед собой ветхой тряпкой. – И шастают, и шастают... Полы не успеваешь мыть за ними...

Очевидно, прояснив для себя национальную принадлежность раннего посетителя, хозяин окончательно потерял к Георгию всяческий интерес. Тот же, напротив, начал терять терпение:

– Так вы мне дадите пива или нет?

– La biere... Тьфу ты, пропасть... Пива нет. Русским языком сказано.

– Почему нет? На вывеске же ясно...

– Не завезли!!! – рявкнул кабатчик, швырнув на стойку тряпку, и прорычал сквозь зубы: – Могу предложить вино! Бапризо! Лариньяк!! Сотерн!!!!..

– А воды?.. – робко поинтересовался Арталетов, так как замысловатые названия местных вин ему ровно ничего не говорили.

– Всегда пожалуйста! – радушно улыбнулся хозяин щербатым ртом, указывая пальцем на дверь. – Там, у порога, превосходная лужа. Свежая, вчерашняя... Будете довольны! Пейте себе на здоровье!..

Заключив, что лучше уж вино, чем ничего, путешественник решительно потребовал:

– Стакан этого... лариньяка, и побыстрее!

Кабатчик вместо того, чтобы кинуться со всех ног исполнять приказ, заинтересованно разглядывал что-то на притолоке, совершенно не обращая внимания на бедного, осатавшего от жажды «дворянина».

– Стакан лариньяка, – тоном ниже попросил Жора. – Вы не расслышали?

Грубиян наконец снизошел до него, презрительно процедив через губу:

– Стаканами не продаем. Берите бутылку.

– Сколько? – удрученно вздохнул Георгий.

Он понял, что непробиваемого хозяина кавалерийскими наскоками ему не осилить...

Впервые с момента встречи абориген проявил явный интерес к гостю. Теперь в его взгляде читалось неприкрытое желание содрать с заезжего чудака побольше и не продешевить при этом. Борьба жадности и здравого смысла продолжалась долго.

– Три лиарда!¹⁴ – наконец брякнул он, решившись, и тут же добавил: – Четыре!

Снова вздохнув, Арталетов привычно полез в карман за

¹⁴ Лиард – мелкая медная монета средневековой Франции, равнявшаяся 3 де-нье, 4 лиарда = 1 су, 20 су = 1 ливру, 6 ливров = 1 экю, 4 серебряных экю = 1 золотому экю. Кроме приведенных здесь денежных единиц применялась масса других монет, с которыми читатель дальше столкнется в тексте.

деньгами, но, когда он уже засунул туда руку, его вдруг пронзила мысль, что о местной валюте он не позаботился.

«Вот так номер! – Краснея под презрительным взглядом кабатчика, Георгий шарил в девственно пустых карманах, не в силах признать очевидное. – Как же я тут буду? С шапкой на паперть, что ли? Сами мы, дескать, не местные...»

– Вон же на поясе кошелек висит, – с той жалостью, с которой обычно обращаются к убогим, указал в конце концов хозяин, когда обоим стало ясно, что тщательный осмотр пустых карманов, даже по третьему разу, ничего путного не даст. – Бестолочь!

Поблагодарив в душе предусмотрительного Серого, Георгий высыпал на ладонь из кожаного, шитого золотом, мешочка с завязками горку разноцветных монеток, отдаленно напоминавших столь презираемые россиянами «серебро» и «медь», и принялся копать в этом разнообразии, мучительно гадая, где тут эти самые «лиарды».

«А-а, будь что будет! – решил он, поняв, что получается похоже на гадание по кофейной гуще, и жестом истинного мота швырнул на прилавок тоненько зазвеневшую мелкую беленькую монету, смахивающую на нашу копейку. – Вряд ли вино в этой дыре стоит дорого... А окажется мало – добавлю».

Рука почему-то сама собой потянулась к эфесу шпаги...

Под алчным взглядом хозяина кабака монетка весело описала правильную окружность по грязной доске и замерла,

прихлопнутая могучей ладонью. Попробовав денежку на зуб, кабатчик удовлетворенно кивнул и, спрятав в стол, принялся выставлять перед собой запыленные темные бутылки с длинным горлышком, разительно напоминающие виденные на военных сборах противотанковые гранаты.

Арталетов все более округляющимися глазами следил за ростом бутылочного воинства, пока оно по численности не достигло штатного мотострелкового отделения.

– Э, э! – спохватился он, уже понимая задним числом, что номинал невзрачной монетки намного (очень-очень намного) превысил цену, заломленную простофилей-хозяином за бутылку вина. – Мне столько не нужно!

– А у меня сдачи нет! – нагло соврал кабатчик, продолжая выставлять бутылки с размеренностью автомата.

С трудом удалось его уговорить часть выпивки заменить закуской и все-таки выдать сдачу этими самыми лиардами – грязными медными монетами грубой чеканки, из-за которых кошелек сразу потяжелел втрое, но все равно стол перед пригорюнившимся путешественником ломился от винных бутылок, по емкости приблизительно равных отечественным «ноль семь». Никак не входило в его планы напиться до бесчувствия в первые часы пребывания в чужом времени.

– Кушайте на здоровье! Не подавитесь часом! – вежливо пожелал довольный гешефтом кабатчик Арталетову и направился было за свою стойку, когда тот остановил его:

– А вообще, собственно говоря, почему вы так со мной обращаетесь? – вспомнил наконец Георгий о своем дворянском звании. – Я же все-таки дворянин!

– Ха! – уткнул руки в боки хозяин, смерив его взглядом с ног до головы. – Видали дворянина? Да вы скорее комедиант, сударь, чем дворянин! И одеты в какие-то дедовские обноски, и шпага у вас на боку словно палка болтается, да и пришли пешком!

– Да я оставил свою лошадь...

– Где? В лесу? Волкам? А шпоры у вас куда подевались? Загнали вместе с лошадью?

Жора не знал, что и сказать. Действительно, как он только сейчас вспомнил, шпоры в Средние века были непременным атрибутом всякого дворянина, если только он не шел по церковной линии. Вот прокол так прокол! Так себе Штирлиц из вас, Георгий, хреновенький, нужно сказать.

– К тому же, господин прохожий, обхождение у вас слишком уж вежливое для родовитого: «пожалуйста», «вы»... Да и торгуетесь, как барышник! Не иначе сами наших кровей будете, из сиволапых... Выскородные-то знаете как? Мелочь не считают, даже если на мели сидят, а что не по их – сразу в морду!...

При последних словах кабатчик все же опасливо отодвинулся от Арталетова, решив не искушать понапрасну судьбу, и слегка переменил тему:

– Сознайтесь, сударь, что вы либо бродячий комедиант,

либо шут, вроде нашего Леплайсана. Он тоже всем врет, что дворянин, хотя по мне, так обычный пьяница... Хотя зачем одному королю два шута? Вот, кстати, и он! Легок на поиме...

На пороге кабака возникла весьма примечательная личность...

5

*Где ты, время золотое, «Солнцедар»?!
Пили мы его ковшиами
С корешами-алкашами,
Было дело, что про это говорить!*
Владимир Шандриков. «Созидатель»

– Странный вы человек, шевалье! – Развалясь на затертой тысячами задов скамье будто в роскошном кресле, Леплайсан потягивал арталетовское вино, нисколько не пьянея. – Очевидных вещей не знаете, в мелочах путаетесь... Зачем вам, к примеру, знать, в каком именно году от Рождества Христова мы имеем счастье жить? Добрых три четверти из собравшихся здесь пейзажистов, – он обвел глиняным кривобоким «бокалом» гомонящее заведение дядюшки Мишлена, – да какие там три четверти – девять десятых понятия не имеют, какой на дворе год. Ни к чему им это. Им, знаете ли, достаточно помнить имя короля, сидящего в Париже (да и то, замечу, не обязательно), да скоро ли Пасха или Троица с Рождеством... Эй! – дотянувшись длинной рукой, хлопнул он по плечу сидящего за соседним столом мощного – Шварценеггер удавится от зависти – селянина. – Какой сейчас год, дубина?

Ничуть не обидевшись на «дубину», крестьянин (а может быть, и дровосек) ухмыльнулся и пожал саженными плеча-

ми, продолжая пережевывать что-то хрусткое.

– Вот видите?..

За прошедшие несколько часов кабак успел наполниться самым разнообразным народом, как говорится, под завязку. На одном полюсе здешнего общества находились Арталетов, пардон, шевалье д'Арталетт с его визави, то есть люди весьма приличные, на другом – мерзкого вида оборванцы, а все остальные – от молчаливых немецких рейтар, каким-то не известным никому способом умудрившихся выцыганить-таки у кабатчика пиво, до жуликоватого вида личностей, шепотом обсуждавших что-то явно не предназначенное для чужих ушей, – между ними.

Вино, кстати довольно приличное, вроде «Токая», притупило интерес Георгия к окружающей действительности, и теперь изумление тем фактом, что он, экс-инженер, находится в средневековой Франции, сидит за одним столом с «взавраждашним» шутом, запросто с ним беседуя, робко подавало голос откуда-то с задворков сознания. Случалось такое и раньше, но чтобы в подобной обстановке...

Леплайсан, который, как выяснилось, в самом деле был и дворянином, хотя наотрез отказался сообщать новому знакомому подлинное имя и титул, и шутом, правда в отставке, оказался человеком бесконечно обаятельным и приятным в общении. Едва поприветствовав гостя папаши Мишлена, он легко согласился присоединиться к Жориной трапезе, и уже через полчаса как-то забылось, кто именно, кого и за чей

счет угощает.

Шут подтвердил все догадки Арталетова относительно того места, куда он попал, правда, датировка его была весьма странной. По его словам, шел всего лишь пятьсот девяносто первый год от Рождества Христова, но правил Францией король Генрих Третий, которому, по тем отрывочным данным, которые помнил Жора из школьного курса истории и книг Дюма-отца, полагалось уже лет пять, как спокойно почивать в склепе какого-то там Собора, заколотым монахом-киллером Клеманом. Более того, никаких религиозных войн тут не было и в помине, уже несколько лет подряд царил мир, а о законном претенденте на королевский престол, Генрихе Наваррском, которому предстояло стать Генрихом Четвертым, Леплайсан либо не знал, либо не хотел говорить.

– А почему вы все разговариваете по-русски, а французского не понимаете? – задал наконец давно мучивший его вопрос Арталетов.

– А вы уверены, что это именно так? – по-одесски ответил вопросом на вопрос шут и при этом так улыбнулся, что Жора совсем запутался. – А не наоборот?

– Но я же сейчас говорю по-русски...

– А я по-французски!

– Но мы понимаем друг друга?

– А почему бы нет?

Винные пары совсем сгустились в бедном Жорином мозгу, и он, обхватив голову руками и упершись локтями в стол,

принялся напряженно размышлять над вопросом почище злополучной теоремы Ферма.

– Не мучайтесь, я пошутил! – сжалился над ним Леплайсан. – Да, мы все тут разговариваем по-русски, но подавляющее большинство французов этого просто не знает...

– Как так? – опешил Арталетов, совсем уже ничего не понимая.

Шут громко, словно кастаньетами, прищелкнул в воздухе сухими пальцами, сделал новый заказ прибежавшему кабатчику (даже отзываясь за глаза о Леплайсане не слишком лестно, он не рисковал спорить с ним) и, пока тот выполнялся, поведал грустную историю.

Все дело оказалось в том, что лет триста пятьдесят тому назад вся Европа, включая Францию, естественно, была завоевана пришедшей с Востока иноземной ордой. Французы тогда французами еще не были, а прозывались галлами, жили патриархальной жизнью, поклонялись своим богам и приняли завоевателей благосклонно...

– Не может быть! – перебил рассказчика Георгий. – Галлию же завоевали вовсе не русские, а римляне. И не триста пятьдесят лет тому назад, а почти полторы тысячи...

– Ну вы хватили, шевалье! – рассмеялся шут совершенно искренне. – Полторы тысячи лет назад наши предки еще за мамонтами бегали... Знаете, были раньше такие мохнатые слоны. Тоже, говорят, из России притопали – там же родина этих странных животных... Да и вообще всех людей на Зем-

ле, включая тех же русских. Некоторые (но я им не совсем верю) даже утверждают, что истинная прародина человечества лежала там, где сейчас находится Ледовитый океан, и прозывалась Гипербореей...

– Да ну?

– Утверждают именно так, не сомневайтесь...

Русские, которых тогда все называли просто ордой или монголами (почему именно монголами, Леплайсан объяснить затруднился, предположив, что слово это происходит от латинского «магнум», то есть «мощный», «великий», или от подобного же греческого), построили города, дали покоренным народам письменность, приобщили к христианству...

– Почему же на карте Франции, да и Европы вообще никаких следов от них не осталось?

– Как не осталось? А Руссильон, а Ля-Рошель, а Руан, наконец? Да сам Париж так называется благодаря знаменитым баням, построенным теми же завоевателями. Слово «париться», думаю, вам переводить не надо?... Фамилии, опять же. Рошфор, Рош-Сегюр, Руссо... Везде монгольские, то есть русские, корни...

– А вот...

Разговор прервался сам собой, когда дядюшка Мишлен приволок охапку новых бутылок. Наклонившись к уху Леплайсана, он громко прошептал, подозрительно косясь на Арталетова:

– Есть фалернское, прямо из Рима...

– Настоящее? – заметно оживился шут. – Не фуфло какое-нибудь паленое, подвального бургундского разлива?

– Обижаете, господин Леплайсан! – очень натурально расстроился кабатчик. – С римскими акцизными печатями, можете сами убедиться...

– Ну тащи...

– По двадцать три денье за амфору, – осторожно уточнил хозяин.

– А чего так дорого? Контрабандный товар?

Дядюшка Мишлен при этих словах перепугался не на шутку.

– Господь с вами, господин Леплайсан, – залебезил он, оглядываясь по сторонам. – Тара-то невозвратная, вот и приходится продавать дороже...

– Врешь ты все, Мишлен. Да ладно, тащи... Когда еще фалернского попробуешь в нынешние времена! – подмигнул шут Арталетову. – Раскошеливайтесь, раскошеливайтесь, сударь, не пожалеете. Оно того стоит...

Получив щепотку тонких, как лепестки, монеток, кабатчик упорхнул к себе, и тут же двое мальчишек, прислуживающих за столами, под завистливые взгляды выпивох приволокли из подвала настоящую античную амфору литров на десять, запотевшую от холода.

– Гляди-ка, не соврал, подлец! – радостно удивился Леплайсан, сковыривая кинжалом с узкого горлышка древней бутылки, выглядевшей, правда, подозрительно новень-

кой, цветной воск. – Точно, печать акцизного ведомства Остии,¹⁵ как доктор прописал! Угощайтесь, дорогой мой д'Арталетт...

– Позвольте, но и Остия, и фалернское... – попробовал вставить слово Жора, но густое ароматное вино мгновенно вышибло из головы остатки сознания, резко сузив поле зрения.

Оно действительно «того стоило»...

В полуяви-полубреду Георгию виделось, будто к столу, гремя котурнами, присаживаются то римский легионер в шлеме с высоким, смахивающим на выкрашенную хной швабру плюмажем, то кочевник в лохматой шубе и малахае, то кто-то непонятный, невеликий росточком, носатый и горбатый... Когда же по столешнице запрыгали, кувыркаясь и играя в чехарду, совсем уже мелкие пришельцы, большинство из которых имело кричаще яркую окраску, словно у китайских резиновых игрушек, преимущественно – ядовито-зеленую, он понял, что пора прекращать банкет.

– Отзынь, гнида! – сообщил он особенно нахальному микрогостю, пытавшемуся, чтобы добраться до вина, наклонить глиняный стаканчик, эквивалентный для такого крохи двухсотлитровой бочке, бесцеремонно отбирая у охальника сосуд. В ответ наглец запустил прямо в голову «шевалье» глиняной же тарелкой, куда угощавшиеся кидали кости и прочие несъедобные объедки. И как только поднял, зараза!

¹⁵ Остия – предместье и порт Рима в античные времена.

Врезавшись в голову Георгию, миска разлетелась на звонкие осколки, и последнее, что он успел увидеть перед тем, как пол и потолок стремительно поменялись местами, был тот самый зеленый коротышка, кривляющийся и строивший рожки... А впрочем, как знать: может быть, рожки-то у него были свои, так сказать, натуральные?..

*Не гадай ты, милый, по монетке,
И орел и решка – все одно,
Ведь судьба-то, друг мой, не конфетка,
Не вернешь в бумажку все равно...*
Николай Селенский. «Развилка»

«Куда же меня занесло? – думал Арталетов, лежа на спине и тупо глядя в потолок. Потолок был дощатый и низкий, покрытый плесенью и паутиной. Сверху, должно быть с чердака, то и дело доносился грохот, будто кто-то там разгружал тяжести: кирпич, например, или радиаторы парового отопления. После каждого такого удара на лицо Жоры сыпался мерзейший мусор. – Ремонт в этой конуре затевают, что ли?.. Да и постель жестковата...»

Справа от Георгия вдруг что-то зашевелилось. Он бросил туда настороженный взгляд, хватаясь за эфес шпаги (надо же, успела выработаться привычка!), и обомлел... Рядом, руку протяни, возвышались чьи-то ноги, обтянутые высокими сапогами выше колена, далеко не новыми, порыжевшими от длительной носки и украшенными многочисленными аккуратными латками. Сапоги были со шпорами...

Владельцем и ног и сапог на них оказался не кто иной, как давешний знакомец Георгия, шут Леплайсан, восторженно приветствовавший выбравшегося с преогромным трудом из-

под стола на свет Божий «д'Арталетта».

– Ба, да это господин д'Арталетт! А я, признаться, вчера решил, что вам разонравилось мое общество и вы решили уйти по-английски, не прощаясь. Верите ли, остаток ночи и все утро я провел в безутешной тоске по приятному собеседнику...

Весь стол и часть немытого пола рядом были сплошь уставлены свидетельствами «безутешной тоски». Жора уселся на скамью и заворуженно уставился на этот натюрморт: представить, что кто-то мог «уговорить» такое количество вина, пусть даже в компании, было немыслимо. Видимо, Леплайсан был истинным энтузиастом своего дела. Начав пересчитывать пустую тару, Георгий сбился на третьем десятке и махнул рукой на это гиблое дело.

– Представляете? – Шут тем временем, виртуозно действуя кинжалом, который, видимо, был у него орудием на все случаи жизни, откупорил очередной сосуд и, разлив бордовую влагу по бокалам, от души грохнул доньшком по столешнице. Теперь Арталетову стала понятна причина давешнего шума, принятого им за разгрузку стройматериалов. – Этот каналья, – большой палец Леплайсана через плечо указал на угрюмо драившего стойку кабатчика, физиономию которого, и без того не слишком миловидную, украшал свежий «фингал» под глазом, – отказался принимать назад пустые бутылки, и мне пришлось его уговаривать!.. А как же мне было поступить? – патетически всплеснув руками, вос-

кликнул шут. – Ведь я думал, что вы меня покинули, оставив совершенно без средств... Я же был вынужден изыскивать резервы, наконец! Правда, амфоры из-под фалернского старый жмот все равно взять отказался. «Невозвратная тара...» – передразнил он дядюшку Мишлена.

В доказательство Леплайсан, повергнув собеседника в шок, тут же продемонстрировал ему две абсолютно пустые глиняные емкости, выкатив их ногой из-под скамейки.

– Чтоб вы подавились, выпивохи чертовы! – проворчал кабатчик из-за стойки, негромко, но вполне внятно.

Арталетов не разглядел при первом знакомстве, какого цвета глаза у хозяина, но мог сейчас поклясться всем на свете, что черные, так как подавился он сразу же после слов Мишлена.

Зажав рот ладонью, Георгий вскочил с места и опрометью кинулся вон, провожаемый сочувственными словами Леплайсана:

– Конечно, конечно, шевалье! Облегчить желудок перед обстоятельной трапезой советовал сам великий Гален.¹⁶ А он понимал дело в пищеварении – я лично не раз выпивал и закусывал за одним столом с этим выдающимся человеком. Только не заблудитесь в лесу, здесь водятся волки...

¹⁶ Гален Клавдий (129–199) – знаменитый римский врач и философ греческого происхождения, родоначальник научной медицины.

Сказать, что Георгию было плохо, значило не сказать ничего.

Добрых полчаса он простоял, согнувшись, у соснового ствола, исторгая из себя выпитое и съеденное накануне и меланхолично дивясь, как это все поместилось в поджаром в общем-то животе не слишком благополучного российского жителя эпохи развивающейся демократии.

Наконец мутный поток понемногу иссяк, Арталетов разогнулся, вытер губы платком, а забрызганные сапоги пучком травы и попытался определить, куда его занесло на этот раз.

То, что никаких признаков кабака дядюшки Мишлена поблизости не наблюдается, он выяснил еще «в процессе», когда обрел мало-мальскую способность соображать. Более того, нигде под ногами не замечалось и тропинки. Трава и папоротники вокруг имели такой вид, будто по ним никогда не ступала нога человека. Оставалось брести наудачу, в надежде рано или поздно выбраться если и не к кабаку (возвращаться в который, честно говоря, Жоре не очень-то и хотелось), то хоть к какому-нибудь человеческому жилью.

Сделав попытку придать выбору дальнейшего маршрута хоть какую-то видимость осмысленности, Георгий выудил наугад из кошелька, полегчавшего, конечно, после ночного банкета, но самую малость (Леплайсан оказался человеком

чести и шарить в карманах собутыльника не стал, а может быть, и в самом деле решил, что тот ушел, не прощаясь), монетку.

Незнакомая денежка размером с российскую «пятерку», но гораздо тоньше имела такой же тускло-серый цвет и была изрядно потерта. На лицевой стороне виднелись плохо различимый портрет бородатой личности с всклокоченной шевелюрой не то в доспехах, не то в сюртуке, и круговая надпись: «HENRICUS II D G FRANCoR REX». Большим знатоком латыни Арталетов себя не считал, но почти любой на его месте перевел бы эту абракадабру как: «ГЕНРИХ II ФРАНЦУЗСКИЙ КОРОЛЬ». Оставались еще загадочные «D» и «G»¹⁷ через точку, но большого значения они скорее всего не имели...

Вздохнув, «шевалье» перевернул монету.

Оборотная сторона сохранилась лучше, возможно, благодаря некоторой вогнутости денежного знака. Здесь присутствовал гербовый щит с французскими лилиями, увенчанный сложной короной, две буквы «H» под коронами по бокам и малопонятная круговая надпись – скорее всего какое-то латинское умное изречение или девиз. Без вопросов читалась только дата выпуска – «1557», и то, после рассказа шута, Жоре в первой цифре почему-то явственно виделась не единичка, а заглавная латинская буква «I».

¹⁷ Аббревиатура «DG» на европейских монетах означает «Dei Gratia», то есть, в переводе с латинского, «Божьей милостью».

Рассмотрев монету во всех подробностях, Георгий загадал, что, если выпадет «орел» (то есть портрет, хотя орлом изображенный там субъект отнюдь не казался), он пойдет налево от места своего, гм-м, отправления естественных надобностей, а если «решка» – направо, после чего не слишком высоко ее подкинул...

«Серебрушка», нагло скользнув мимо подставленной ладони, ребром вклинилась между травинками, словно иллюстрация к хорошо известному анекдоту.

– Еще бы в воздухе зависла... – посетовал Арталетов и сунул руку в кошелек за другой монетой. Этой, обманувшей его, он почему-то больше не доверял.

Медяк, выуженный наугад, вообще сразил Жору наповал. Дело в том, что у этого «дензнака» было два «орла» (или «решки» – как кому больше нравится). Обе стороны монеты украшали французские лилии и малоразборчивая надпись по самому краю. Даже скрупулезно сличая обе стороны, невозможно было понять, чем они кардинально различаются.

«Чертовщина какая-то!» – растерянno подумал Георгий. Гадать в третий раз как-то само собой расхотелось. Ежу было понятно, что идти следует назад, но путешественник решил проявить свободу выбора и пошел не влево, не вправо, не назад, а вперед.

Его обступали со всех сторон медно-красные махты сосновых стволов, хотя как он попал в хвойный лес, когда по

всем статьям кругом должен был быть лиственный, да не просто, а ШИРОКОлиственный, Арталетов не знал.

Стоило подумать об этом, как шелушащиеся красной чешуей сосны неуловимо сменились корявыми кленами, каштанами и еще какими-то деревьями, при виде которых из подсознания всплывали неведомые «буки и грабы» из учебника природоведения за не припомнишь враз какой класс средней школы. Как эти «буки и грабы» выглядят, горожанин Арталетов, на юге побывавший один раз, да и то в нежном возрасте, совершенно не представлял, но фразу из учебника помнил твердо.

Солнце, невидимое из-за высоких, тесно стоящих деревьев, заметно пошло на снижение, так как тени сильно удлинились и все кругом приобрело красноватый оттенок.

«Нужно поторапливаться, – подумал обеспокоенно Жора. – А то придется ночевать прямо в лесу...»

Мысль об еще одной ночевке в лесу вызвала содрогание. Особенно ярким был образ кусачего аборигена, после встречи с которым все еще чесалась спина, причем сразу во множестве мест. А если еще нагрянут его многочисленные, без сомнения, соплеменники, одержимые жаждой мести?..

Георгий уже давно уяснил, что идет он совсем не в ту сторону, но поворачивать обратно было поздно, оставалось продолжать придерживаться избранного маршрута, благо из того же учебника природоведения (или географии?) он твердо уяснил раз и навсегда, что Земля круглая.

В похмельном мозгу только-только начали прорезываться воспоминания об ориентировании при помощи мха, коротких и длинных сучьев, отсутствующих здесь по определению телеграфных столбов, кладбищенских крестов и муравейников, а также о том, что, идя без ориентира, человек всегда забирает в сторону и бредет по гигантскому кругу, как деревья впереди немного поредели, мелькнуло что-то ярко-красное и раздалось едва слышное мелодичное пение.

Поблагодарив про себя Бога, Георгий опрометью кинулся на звук голоса...

* * *

Арталетов сидел на пенечке рядом с девочкой, вернее, девушкой в легкомысленном белом платье, никак не вявшемся с хоть и поздним, но все-таки средневековым с его кринолинами и фижмами, и кокетливой красной шляпке, уминая пирожки с чем-то непонятным, но безумно вкусным, извлеченные из вместительной плетеной корзинки. Девушка, довольно симпатичная, если не сказать больше, сочувственно смотрела на проголодавшегося путника, суя ему в руки все новые и новые кулинарные чудеса, по мере того как предыдущие исчезали. Георгий готов был провалиться сквозь землю от стыда, но ничего с собой поделать не мог: объединенным результатом похмелья после фалернского, непривычного для изнеженного портвейнами и бочковым

«Агдамом» желудка, «медицинской» процедуры и последующей прогулки на свежем воздухе стал зверский голод. К тому же пирожки были такие свежие и ароматные...

– Простите, – оторвался наконец Жора от еды, – я, наверное, все запасы ваши умял...

– Да ничего, ничего! – рассмеялась девушка так звонко и мелодично, словно рассыпала пригоршню серебряных колокольчиков. – Я еще испеку, кушайте на здоровье!

– Спасибо большое, – засмутился «шевалье». – Я заплачу... – Он потянулся к кошельку.

– Бросьте, – рассердилась девушка. – Не говорите ерунды, а то я обижусь! Какие еще деньги? Вы были голодны, и я вас накормила... Вот у меня еще кувшинчик с сидром есть. Не желаете утолить жажду, сударь?

Отказаться было немислимо, и Арталетов надолго присосался к запотевшему кувшину с восхитительным пенистым напитком, поняв, чего именно ему так не хватало все утро и последующий день.

– Давайте я хоть провожу вас, – заявил наш рыцарь, возвращая обратно изрядно опустевшую посудину и вытирая усы. – А то вечерет вон. Не ровен час...

Девушка снова рассмеялась и так взглянула на Георгия, что у него предательски ослабели ноги и мурашки побежали по спине.

– А вы не боитесь? – спросила девушка несколько изменившимся, более низким и глубоким, голосом. – Сами ведь

говорите: не ровен час...

– Чего же бояться? – самодовольно усмехнулся д'Арталетт, подкручивая жидкий усишко. – Я все-таки мужчина, дворянин, к тому же при шпаге...

– Тогда проводите!

Девушка тут же повисла на Жориной руке, всучила ему корзинку, правда уже совсем не тяжелую, и принялась кокетничать напрапалую.

Близость юной привлекательной женщины пьянила ничуть не хуже давешнего фалернского. Отвечая невпопад на вопросы, он разглядывал ее украдкой, пытаясь угадать линии фигуры под свободного покроя платьем и невольно отводя взгляд, когда в глубоком вырезе, почти декольте, открывалось несколько большее... Сердце бухало, мнилось ему, на весь лес, кровь то прилиwała к лицу, и особенно к ушам, то откатывала волной куда-то ниже. Все демоны и бесы мира, казалось, выплясывали за спиной зажигательную тарантеллу, скандируя хором: «Вы же одни в лесу! Чего ты ждешь? Тащи ее в кусты!»

Чтобы хотя бы немного отвлечься, Георгий спросил:

– А как вас зовут, прелестное дитя? Красная Шапочка наверняка?

Девушка игриво стрельнула в него лукавым взглядом из-под длинных ресниц и снова серебристо засмеялась.

– Ну все-таки?

– И Красной Шапочкой тоже...

– А идете, случайно, не к бабушке?

– Как вы угадали?..

Подобная пикировка могла продолжаться долго, но девушка вдруг тоненько вскрикнула и, присев на корточки, схватилась за ногу. Георгий только сейчас с раскаяньем осознал, что очаровательные ножки его попутчицы босы. А он-то, вахлак, тащил ее, не разбирая дороги, по всяким там шишкам и сучкам. Казанова хренов!

– Вы поранились? Покажите-ка ногу!

Девушка не отвечала, только жалобно, как обиженный ребенок, плакала и, раскачиваясь от боли, сжимала ступню. Еще раз выругав себя последними словами, запас которых после общения с Серегой значительно расширился, Арталетов рухнул на колени и протянул руку к изящной ножке Красной Шапочки. Платьице ее высоко задралось, обнажив прелестные коленки так соблазнительно, что Георгий непроизвольно сглотнул.

– Покажите ногу! – снова потребовал он. – Я постараюсь помочь вам...

Присев на мох, пострадавшая доверчиво протянула ему стройную ножку, оголившуюся чуть ли не... Жора мужественно старался не смотреть, до каких пор. Он долго ошупывал и массировал узкую ступню, по-докторски приговаривая:

– Так больно?.. А так?.. А так?..

Пока не заметил робкую улыбку, проступающую сквозь

слезы.

– Уже не больно. Ни капельки... – прошептала Красная Шапочка. – Вы так помогли мне...

Неожиданно их лица оказались совсем рядом. Настолько, что Георгий ощутил тонкий цветочный аромат, исходящий от юной кожи...

– Не помешаем? – раздался прямо над ухом у Арталетова грубый, пропитой голос.

Резко оттолкнув попутчика, девушка вскочила на ноги, разом позабыв про травму.

В двух шагах от Георгия, уперев руки в боки, возвышалось с полдюжины рослых широкоплечих молодчиков, физиономии имевших такие...

– Кто вы такие? – Жора тоже вскочил на ноги, автоматически хватаясь за эфес шпаги.

Главарь, стоявший на шаг впереди остальных, неторопливо извлек из-за спины широкий топор на длинной рукояти и подкинул его на ладони, давая противнику налюбоваться сим инструментом вдоволь, а заодно и трезво прикинуть свои шансы в случае чего.

– Ты за зубочистку-то свою не хватайся, не напугаешь нас этим... Дровосеки мы, дровосеки. Девушек, по совместительству, выручаем... От вот таких прощелыг, как ты, козел...

– Я попросил бы, товарищи!.. – Голос Арталетова предательски дрогнул: один, даже со шпагой, почти, впрочем, бес-

полезной, против шестерых громил, несомненно уголовников, да еще вооруженных топорами...

– Арденнский волк тебе товарищ! – проникновенно сообщил главарь, закатывая свободной рукой рукав...

*К несчастью, тот, кто прибыл к нам,
Знал, что такое боль.
Очнулся он, когда Луна
Светила на убой.
Заплывший глаз с трудом нашел...
Юрий Лоза. «Визит»*

Естественно, вы понимаете, что ничего путного заплывший глаз Георгия найти в темноте не мог...

Привел его в чувство далеко за полночь заметно остывший воздух.

Избитое тело выло и кричало, ныло и стонало, скулило и вопило, а мертвенно бледный диск луны, низко висящий над лесом, казалось, сочувственно подмигивал: не дрейфь, мол, Жора, прорвемся...

Жора, борясь с головокружением и подступающей тошнотой, кропотливо, с трудом, будто собирая головоломку, выуживал из мутного коктейля своей памяти осколки событий вчерашнего вечера.

Лесная прогулка... Девушка в кокетливой красной шляпке... Умопомрачительно вкусные пирожки... Холодный сидр... Заноза... Дровосеки... Стоп!

Он схватил себя обеими руками за грудь и застонал от бессилия. Так и есть: мешочек с прибором возвращения, ко-

торый Георгий про себя уже окрестил было «хрономобилем» и хранил за пазухой, как ладанку, пропал!

Вместе с заветной машинкой пропало все. То есть совсем все. Совершенно.

Георгий лежал в траве, одетый в какое-то вонючее грубое рубище, явно с чужого плеча: рваные штаны, едва достающие до лодыжек, но непомерно широкие в талии, и жутко тесная рубаха с длиннющими рукавами, до удушья стискивающая грудь. Ни костюма, ни сапог, ни шпаги, ни кошелька с наличностью.

«Вот так погулял по лесу... А девчонка-то наверняка наводчица. Что ж, Георгий Владимирович, попались вы на тривиальный „гоп-стоп“, замаскированный под защиту несчастной девушки от гнусного насильника. Благодарю Бога, дурак, что живой остался: легко могли и топориком по темечку...»

Жоре, несмотря на весь ужас происшедшего с ним, стало мучительно стыдно за то, что его, бесчувственного, переодевали в эти вонючие тряпки наверняка на глазах такой красивой и такой подлой незнакомки. Он даже застонал, представив свое голое, бледное и не слишком-то атлетическое тело, беспомощно култыхающееся в чужих грубых лапах... Если бы под рукой была шпага, он бы от стыда пронзил ею сердце... Свое, любого на выбор дровосека или незнакомки... Нет, скорее всего свое...

Где-то неподалеку, словно в ответ на эти мысли, раздался тоскливый вой, надо думать, волчий.

«Только не заблудитесь в лесу, – всплыли в памяти прощальные слова Леплайсана. – Здесь водятся волки...»

Ну вот, только волков нам и не хватало. Хоть арденнских, хоть тамбовских...

Луна внезапно превратилась в сверкающую полосу, наискось перечеркнувшую почерневшее небо, и все погасло...

* * *

Вторично Жору привел в себя хруст веточек под чьими-то тяжелыми шагами.

– Помогите... – позвал он неуверенно, уже не зная, чего ожидать от ночных прохожих. Почему-то ему казалось, что приближаются к нему двое, если не больше, – очень уж дробной получалась поступь. Неужели дровосеков-рэкети-ров прошибла совесть и они возвращаются, чтобы вернуть пострадавшему незаконно отнятое?

– Сейчас, помогу... – раздалось где-то совсем близко. – Чем смогу, конечно...

Судя по голосу, приближавшийся если и не был постоянным клиентом отоларинголога, а заодно и логопеда, то чрезвычайно остро нуждался в их помощи: очень уж неразборчивыми получались у него слова, перемежаемые таким сипом и хрипом, как будто их издавали порядком неисправные кузнечные меха.

«Слава богу! – порадовался про себя Георгий. – Добрый

старичок, видно, проходил мимо, на мое счастье...»

– Где ты тут? Хоть голос подай, мил человек...

– Здесь я, здесь! Слышите?

Шорох и хруст слышались уже чуть ли не возле головы. На лошади он едет, что ли?..

Ветки кустарника раздвинулись, и на фоне звездного неба Арталетов разглядел чей-то, явно не человеческий, темный силуэт с большими остроконечными ушами, настороженно шевелящимися...

* * *

– Так вы в самом деле не собираетесь меня есть?

Георгий никак не мог поверить в то, что он не спит, не пьян вусмерть и не пребывает в гостях у приветливых психиатров. Да и было с чего впасть в панику: едва-едва освещенный светом заходящей луны, но вполне реальный, в двух метрах перед ним сидел самый настоящий волк, причем довольно внушительных размеров – раза в два больше самой крупной немецкой овчарки.

То, что ночной гость не плод воображения бедной головы, пострадавшей от алкоголя и тяжелых кулаков дровосеков, а данная нам в ощущениях реальность, не подлежало сомнению: по поляне расплывался исходящий от волка густой запах псины, настолько крепкий, что, когда ветерок задувал с его стороны, начинали зверски слезиться глаза. Странно: ал-

лергией на собак, тем более на волков, Георгий отродясь не страдал...

Однако, несмотря на то что собеседником Жоры был не очень-то безобидный хищник, атавистический страх перед которым живет в душе любого истинно русского человека, воспитанного на народных сказках и советских мультфильмах, будь он горожанином хоть в седьмом поколении, ощущения неминуемой опасности как-то не возникало. На оптимистический лад настраивало то обстоятельство, что зверь, вопреки всякой логике, оказался говорящим, то ли его заметный даже неопытным взглядом и в полутьме преклонный возраст...

– Чем я тебя буду есть, скажи на милость, мил человек? – прошамкал волк и оскалился, демонстрируя при скудном лунном освещении явный недостаток своего основного инструмента, дававший повод к числу необходимых пожилому хищнику медиков причислить и стоматолога. – Три зуба всего и осталось-то... Не-е-ет, я теперь, понимаешь, вегетарианцем заделался, почище иного зайца... Правда, морковь и капуста свежие мне тоже не по зубам... – немного подумав, добавил он. – Спасибо, добрые люди выручают, подкармливают вареным да протертым, а то бы совсем кранты... У тебя, случаем, ничего такого не завалилось? Хотя откуда...

Георгий сокрушенно развел руками, будто извиняясь за то, что не прихватил с собой какой-нибудь пареной репки или отварной брюссельской капусты. Волк понимающе по-

кивал и вдруг, свирепо лязгнув почти беззубой пастью где-то у себя за плечом, принялся остервенело, совсем по-собачьи, чесаться задней лапой, постанывая при этом от удовольствия.

– Совсем заели, проклятые, – доверительно пожаловался он человеку, подразумевая, видно, вездесущих блох, пиетета перед дряхлым волком, пусть и говорящим, совсем не испытывающих. – Грызут и грызут... Грызут и грызут... О чем бишь я?..

– Вероятно, о блохах... – осторожно ответил Арталетов.

– Да нет, раньше, – досадливо мотнул лобастой башкой волк, ко всем бедам обремененный еще и склерозом. – До блох еще.

– О зубах говорили, о морковке, – пожал плечами, охнув при этом от боли, Георгий. – О дровосеках...

– Во-во! – обрадовался волк. – О них, проклятуших! У меня с ними, понимаешь, старые счета...

Он привстал на задние лапы и продемонстрировал при скупом освещении зарождающегося утра косой уродливый шрам поперек живота.

– Их работа!..

В голове Георгия провернулось что-то, и всплыли детские воспоминания о Красной Шапочке, ее бедной бабушке...

«А почему у тебя такие большие уши? – ввинтился в уши ржавым штопором противный голос тети Вероники, старшей двоюродной сестрицы его матери, пичкающей зареванного

пятилетнего Гошу мерзкой комковатой манной кашей собственного приготовления. – Да чтобы лучше тебя слышать, внученька...»

– Это из-за Красной Шапочки и ее бабушки? – еще более осторожно поинтересовался он. – Которых вы проглотили?..

– Какой там проглотил! – Волк даже плюнул в сторону, совсем по-человечески. – Зашел, понимаешь, к старушке за миской овощной похлебки, да поболтать остался, а тут, как назло, эти архаровцы... Едва ушел тогда, а брюхо полгода потом зализывал, думал, не поднимусь уже...

Волк жалобно всхлипнул, и Георгий почувствовал к нему искреннюю жалость.

– Дружили мы с Шапочкиной бабушкой, – продолжал волк. – Я зайцев гонял от ее огорода, она мне то морковки подбрасывала, то кабачков... Косым-то и невдомек, что я дичину уже не употребляю, вот и пугались, глупые... А саму Шапочку я только издали и видал. Раз два... Редко она навещала покойницу, ох, редко... Выросла вот, непотребством всяким занялась, свела дружбу с головорезами этими...

Арталетов еще раз почувствовал себя обманутым в лучших чувствах.

– Ты идти-то как, сможешь? – Волк решил замять неприятную для обоих тему.

Георгий попробовал привстать со своей кочки и со стоном вынужден был рухнуть обратно. Похоже, братцы-дровосеки перестарались, отбив что-то весьма серьезное в не слишком

могучем организме интеллигента. Комментариев не требовалось.

– Охо-хо... – тяжело вздохнул говорящий хищник и опустился на брюхо, подставив мохнатую спину. – Садись. Только не гарцуй там особенно, я же не лошадь все-таки...

– Может, я сам как-нибудь?.. – попробовал отказаться Георгий, не представляя, как он выдержит скачку на таком неприспособленном для передвижения транспортном средстве, к тому же не по правилам, то есть без седла, стремян и уздечки. – Отлежусь вот немного...

– Ага, отлежится он, – буркнул волк, придвигаясь поближе. – Утром роса выпадет, и простынешь ты, добрый молодец, как пить дать. А туманы здесь коварные, гнилые... Покашляешь месячишко-другой, и под березку... Хотя какие тут березки – каштаны одни непотребные, прости Господи...

– Так вы не местный?!

– Здравсте-пожалте! – Волк был изумлен до глубины души. – Да я разве тебе не говорил?

– Н-н-нет...

– Из Расеи я, матушки, отрок... Из нее, родимой... А давно ли, недавно ли, не пытай, не припомню... Бабка тебе все объяснит...

Жора вдруг понял, что давно уже летит куда-то в туманный утренний полумрак, едва успевая уклониться, когда какая-нибудь особенно раскорячистая ветка коварно норовила хлестнуть его по лицу. Лицо обдувал сырой, напоенный за-

пахами прели и неведомых цветов воздух, снизу радиатором парового отопления грел волчий хребет, против ожидания довольно удобный. Как и каким образом он взгромоздился на спину лесного «мустанга», Георгий не помнил совершенно. Чудеса, да и только!

Волк бежал удивительно ровной рысью, словно скакун-иноходец, и если бы не уносящиеся назад с приличной скоростью деревья, могло бы показаться, что он со своим седоком на спине летит по хорошей европейской автострате, а вместо когтистых лап у него четыре колеса...

«А вместо сердца – пламенный мотор!» – немзыкальным фальцетом взвизгнул кто-то совсем рядом, да так явственно, что захотелось оглянуться.

– Ты это... – предупредил волк. – Не оглядывайся... Тебе сейчас разные голоса казаться будут, а ты не поддавайся. Суеверие, конечно, но от греха подальше...

От скорости туман по обе стороны лица свивался в спирали. Да-а-а, без ветрового стекла при таком движении трудновато...

– Вот, бывало, и мы с Иванушкой так мчались... – ностальгически бубнил откуда-то снизу знакомый глуховатый голос, совершенно без одышки. – Сядет он мне на спину, свистнет в два пальца, врубит первую...

– Чего врубит?

– Да это я так... – смущенно отозвался волк. – Заговариваться начал на старости лет...

Бесконечная плавная скачка завораживала, заставляла века сами собой склеиваться...

– А Иванушка-то не Дурачок, часом? – поинтересовался Георгий, героически борясь со сном.

– Сам ты дурачок! – обиделся «скакун». – Царевич!..

Бросив взгляд вниз, Арталетов ошеломленно разглядел на себе вместо уродливого рубища парчовый кафтан с поперечными застежками на груди, напоминающими не то «разговоры» на шинелях буденовцев, не то «бранденбуры»¹⁸ гусарских доломанов, а вытянув ногу, с риском сломать ее на полном скаку о какой-нибудь шальной пень, увидел, что обута она в сафьяновый щегольской сапог, изукрашенный прихотливым переплетением узорчатого шитья.

«Прямо как „Иван-Царевич на сером волке“ Васнецова! – изумленно подумал Арталетов, разглядывая на своей руке не менее красивую, чем обувь, узорчатую перчатку с длинными крагами. – Только Василисы Прекрасной на коленях не хватает... Сплю я, что ли?»

В тот же самый момент, когда на коленях начало образовываться что-то теплое и упоительно мягкое, его сильно мотнуло вперед так, что спросонья удалось только каким-то чудом удержаться от падения.

«А еще жалел, что ветрового стекла нет! Как вмазался бы

¹⁸ «Разговоры» – матерчатые цветные полосы, украшавшие шинели красноармейцев во времена Гражданской войны и парадную форму бойцов Красной Армии до 1941 г. «Бранденбуры» – шнуры на груди гусарских мундиров – доломанов и верхней одежды – ментиков.

сейчас...»

– Приехали, добрый молодец! – пропыхтел снизу волк. – Слезай, касатик...

8

*Все взревели, как медведи:
Натерпелись! Сколько лет!
Ведьмы мы или не ведьмы?
Патриоты или нет?*

Владимир Высоцкий. «Про нечисть»

Вторые сутки уже Георгий жил у бабки, к которой его привез неведомыми лесными тропками говорящий волк...

Нет, к покойной уже, к сожалению, бабушке Красной Шапочки эта бабка не имела ровно никакого отношения. Приютившая Арталетова хозяйка была настоящей Бабой-Ягой, причем даже не на вид, – с лица, не слишком еще пожилая женщина – лет пятидесяти с хвостиком (можно было бы сказать и «шестьдесят без малого», но кто способен точно определить истинный возраст женщины?), была как раз благообразна, равно как и со всех остальных сторон, – а по внутреннему, так сказать, содержанию.

И опять вы не правы, дорогой читатель. Склочным и вредным нравом, подобно многим своим ровесницам, особенно тещам и свекровям, заслуженно носящим вышеупомянутый титул, давно ставший нарицательным, хозяйка уединенного лесного владения тоже не отличалась. Просто по профессии она была колдуньей, только и всего...

Пожилые женщины, чаще всего одинокие, не обременен-

ные сонмом детей и внуков, и после выхода на пенсию остаются верными нелюбимой некогда профессии, давно впитавшейся в плоть и кровь, ставшей второй натурой. Вот так же и местная Баба-Яга и в немолодые свои годы продолжала заниматься колдовским ремеслом, как выяснилось, совсем не являющимся чем-то из рук вон особенным в том мире, куда попал Жора, опрометчиво нажав на головку хрономобиля.

Никуда, кстати, хитрая машинка не делась, отыскавшись на груди сразу, как только путешественник переступил порог ведьминого жилища. Видимо, то ли плохо искал ее пребывавший несколько не в себе после знакомства с местными лесорубами Арталетов, то ли она сама по себе обладала некими магическими свойствами. Возможно, именно по этой причине поостереглись положить лапу на дорогушую с виду, золотую вещицу «защитники слабых девушек», не побрезговавшие всем остальным имуществом Георгия вплоть до... хм-м, некоторых интимных деталей туалета.

Странное дело: обрета вновь свой ненаглядный билет на «обратный поезд», Арталетов как-то охладел к возвращению в более благополучные места, которым грезил только что. Все равно как альпинист-экстремал, цепляющийся из последних сил ногтями за ненадежный скальный выступ и прощающийся понемногу с этим светом, обретает уверенность, едва коснувшись упущенного ненароком троса, и продолжает подъем в неизвестность вместо того, чтобы благо-разумно спуститься к подножью. Вот и Жора, получив га-

рантию того, что вернется, решил еще немножко обождать с возвращением и посмотреть, что же еще необычного и интересного ждет его в этом неизведанном мире, нежданно-негаданно появившемся на месте сухо описанного в школьных учебниках истории, обыгранного в сотнях фильмов и тысячах романов.

А посмотреть было на что. Хотя бы на жилище Бабы-Яги, относительно обычное изнутри, но удивительное снаружи...

* * *

Проснулся повторно Георгий уже под вечер. Принудил его к этому, выражаясь галантным языком прошлых веков, в которых он сейчас и пребывал, неумолимый зов Природы.

– А-а, путешественник! – отреагировала на пробуждение своего нового постояльца хозяйка, орудовавшая возле настоящей русской печи, в закутке за которой, кроме ухватов разного «калибра» и неременной кочерги, стояла солидных размеров деревянная лопата, вроде снеговой, заставлявшая вспомнить о небезопасных приключениях разного рода Ивашек и Жихарок. – Проснулся, болезный!

– Доброе утро, бабушка... – робко поздоровался Арталетов, недоуменно озирая окружающий его интерьер. – А где тут у вас...

– А на дворе, соколик, на дворе. Как по крылечку спустишься, сразу налево... Оно у меня крутое, так что ты по-

осторожнее...

Только спускаясь по крылечку, в самом деле очень крутому и начисто лишенному каких-либо перил, словно военно-морской трап, Георгий изумленно понял, что совершенно ничего не ощущает. В том смысле, что ничего и нигде не болело. Чудеса, да и только!

Смутно помнились какие-то действия и процедуры, которым подвергла его знахарка сразу по приезде «утренним волком», резкие незнакомые ароматы таинственных отваров и притираний, замысловатые пассы в таинственном полумраке, нарушаемом лишь огоньками свечей, шаманский речитатив на полужнакомом языке... А бабка-то и в самом деле волшебница!

«Удобства» отыскиались именно там, где указала хозяйка, – налево от крыльца, причем далеко не такие простенькие, как ожидалось.

Торопливо кивнув в ответ на сонное приветствие волка, дремавшего, словно простая, очень большая собака, у поленницы, Жора юркнул в дверь с любовно выпиленным лобзиком сердечком, захлопнул ее за собой и только тогда ощутил, что такое настоящее счастье...

Обратно он возвращался уже спокойным и умиротворенным, ощущая, как сама собой настраивается на романтику и философию душа, только что жившая самыми низменными желаниями, раскрываются разные там чакры и «третьи глаза» (фи, читатель, я был лучшего мнения о твоём воображе-

нии!) и хочется возлюбить весь мир, не исключая коварных Красных Шапочек и грубиянов-дровосеков...

Волк-склеротик снова поприветствовал Арталетова, явно запамятавав, что проделал это ровно пять минут назад, но на этот раз у великодушного и благостного путешественника нашлось некоторое время, чтобы побеседовать со стариком.

Солнышко пригревало, птички пели, ласковый ветерок забытым маминым движением прикасался к небритой щеке... Жизнь была прекрасна, и уходить со двора не хотелось, но... Проснулся и настойчиво требовал внимания другой побудительный инстинкт – голод.

– Ваша история очень любопытна, господин Волк, – вежливо прервал Георгий рассказчика, сонно пересказывающего своими словами что-то очень знакомое еще с детских лет. – Но позвольте мне откланяться...

Повернувшись спиной к тут же захрапавшему хищнику-вегетарианцу, наш герой направился было к знакомому крылечку, но... Не обнаружил его на том месте, где оно только что находилось. Вместо крыльца, глубоко утопив в травянистой почве устрашающих размеров желтоватые когти, возвышалось нечто очень похожее на гигантскую птичью лапу...

* * *

Щи у Бабы-Яги удались замечательные: ничего подобного

Жора не едал с тех самых детских еще времен, когда гостевал в деревне Томилкины Выселки у своей бабушки, хотя и не колдуньи (а впрочем, кто может поручиться за обратное?), но кулинарки отменной. Причем обе поварихи владели истинным мастерством, поскольку не нужно особой виртуозности для изготовления какого-нибудь экзотического блюда. Даже истинный гурман редко сможет сравнить вкус лапок луарской лягушки под артишоковым соусом с отпробованным несколько лет назад подобным блюдом из лягушки гарронской, а вот щи или кашу приготовить так, чтобы гость жалел о недостаточной емкости своего живота, может только артист своего дела.

Арталетов наворачивал уже третью тарелку восхитительного, ароматного варева, когда в помещение черной жидкой каплей приличных размеров втек (иного слова не подобрать при всем желании) матерый кот безупречной вороной масти. Усевшись возле печки, животное принялось вылизываться с самым независимым видом, лишь изредка исподтишка постреливая зеленым глазом в сторону незнакомого человека, к тому же занятого уничтожением такого важного стратегического сырья, как продукты питания.

– Баюн, Баюнушка, – поманила кота бабка, с кряхтением нагибаясь и ставя на пол объемистую миску с молоком. – Иди покушай, чумазик. Всю ночь где-то шлялся, оголодал небось...

Несмотря на равнодушный взгляд, которым кот окинул

емкость, его нельзя было заподозрить в чрезмерной дистрофии. В пользу обратного свидетельствовали лоснящаяся шерсть и добротная упитанность. Особенно сомнительным выглядел гипотетический голод кота при виде нескольких перышек, приставших к его шерсти. Вероятно, эти вещественные доказательства когда-то принадлежали некой неосторожной пичуге и рассталась она с ними, понятно, не по своей воле. Впрочем, чтобы не обижать старушку, Баюн все-таки соизволил приблизиться к миске и брезгливо понюхать ее содержимое, после чего тяжело рухнул на бок и смежил веки.

– Намаялся болезный, – вполголоса сообщила Георгию Баба-Яга, осторожно, с расстановкой, разгибаясь, на цыпочках отходя от старательно имитирующего крепкий сон притворщика. – Шутка ли – всю ночь где-то блудил...

Рановато, однако, наш герой записал котяру в лентяи.

Едва бабка отлучилась, как Баюн тут же поднял голову, воровато оглянулся на дверь, скользнул к столу и, лихо вскочив на свободный табурет, вперил в Арталетова тяжелый взгляд много повидавшего на своем веку челове... кота, естественно.

– Ты кто таков будешь, мил человек? – Низкий, с заметной хрипотцой, голос уже второго говорящего животного, встреченного Георгием на своем пути, разительно напоминал Валентина Гафта. – Чем живешь-дышишь?

Конечно, можно было и не отвечать, но Арталетов, поежи-

ваясь под упорным взглядом, неожиданно для себя выложил Баюну почти всю свою историю, умолчав лишь о том, откуда и с какой целью попал сюда. Впрочем, надави мохнатый чуть-чуть, выдал бы Жора все на свете без малейшей утайки...

Вполне сошедшая для кабатчика, Леплайсана, волка и даже бабки легенда о дворянине, странствующем в поисках приключений (на свою... вы сами понимаете, что я имею в виду, конечно), нисколько не удовлетворила кота, это было видно по его недоверчиво сощурившимся зеленым глазам. Видимо, Георгий не на деревенского простачка напал, а на умудренного опытом циника.

– А я думал, брешет беззубый... – протянул Баюн, когтистой лапой задумчиво перекатывая по столешнице кусочек хлеба, между делом нахально уворованный с Жориной тарелки. – Ан нет... Ну что, гражданин, – снова придавил он Арталетова взглядом, наконец решительно отодвинув свою игрушку. – В молчанку будем играть, или как?..

В неверном свете, падающем из подслеповатого окошка, Георгию почему-то примерещились под роскошными усами темно-синие петлицы со «шпалами» и тусклые пуговицы форменной гимнастерки. Не хватало только бьющего в глаза яркого света настольной лампы, портрета товарища Сталина на стене, стакана с чаем в никелированном подстаканнике и разлинованного листка протокола, убористо заполненного красно-синим двусторонним карандашом...

Нет, не устоял бы неопытный Жора перед таким дознавателем, ей-ей не устоял бы, раскололся бы на раз, как сухое березовое полено, начав с перепугу сыпать именами, подробностями, несуществующими паролями и адресами явочных квартир, если бы не бодрый скрип ступенек под ногами поднимающейся бабки.

Баюн снова настороженно зыркнул на дверь, с сожалением – на собеседника и одним прыжком оказался на покинутом месте возле печки, успев процедить напоследок сквозь зубы:

– Мы с тобой еще не закончили, контра...

* * *

Где-то во дворе надрывно исповедовался сверчок, сладострастно перебирающий свои непонятные никому грехи и проступки чуть ли не от самого сотворения мира. Печально звенели невидимые, но зато отлично слышимые комары, то ли лишенные поживы каким-нибудь хитрым бабкиным заклатьем, то ли просто-напросто выжидающие безнаказанного для себя часа, когда огромные бурдюки с вкусной едой уснут и отдадутся кровососущей братии, в этом веке, при полном отсутствии всяких там «Фумитоксов», чувствующей себя настоящей хозяйкой положения. Однако господство в воздухе они вынуждены были делить с сонмами всевозможной летающей фауны – от легкой ночной моли, склонной к

суициду и сгорающей в пламени свечи без остатка, до камикадзе-мотыльков, таранящих непонятный для себя светящийся объект с риском для жизни, и тяжелых штурмовиков-жуков, идущих во втором эшелоне...

А за столом шла беседа.

– Да как же так получилось-то? – недоуменно вопрошал Георгий Бабу-Ягу, по своим взглядам оказавшейся рьяной патриоткой, да еще с явным красно-коричневым уклоном. – Неужели вся Европа еще недавно была русской?

– Вся, без остатка, – подтвердила раскрасневшаяся в прямом и переносном смысле бабка. – От Норвегии до Италии и от Босфора до Ла-Манша...

– А что же случилось? Почему все назад отыграли?

– Да все «новое мышление» виновато! Как начал тот Горбатый в Женеве руками махать да каяться, в дружба к европейцам набиваться, так оно и пошло... Четверти века не пролетело, а уж на всех картах вместо великой Монголии – Московия какая-то да Татария, а на востоке вообще – не то Сибирия, не то Сибيريا... И все, негодяи, норовят там всяких песьеголовых людей нарисовать, драконов да бамбров непонятных... А то возьмут, да просто напишут от моря до моря наискось: «Тут водятся чудовища». А ведь недаром народ говорит: «Что написано пером, не вырубишь топором», – заводятся чудовища помаленьку! Прокрадываются тихой сапой... Китаезы узкоглазые тоже не отстают: Монголия, дескать, у наших северных границ лежит, а все, что

дальше, – страна длинноносых дикарей. Индусы, те вообще ничего не признают, а все медитируют, уставясь на свой пупок. Русские мы, монголы или там лемурийцы какие – им все одно...

– А индусы-то при чем?

– Ты что, совсем темный? Империя Великих Моголов там у них. Читай: русских. А турки-то что учудили?

– Что?

– Их полуостров казаки завоевали, наши, донские атаманы, а они взяли да назвались Отоманской Империей. Чуешь разницу? Не Атаманской, а Отоманской! Некоторые так вообще Оттоманской...

– И мы, русские то есть, это терпим?

– Так это самое-то и есть главное условие вхождения России в Общий Рынок, Европейский Парламент... ОБСЕ...

– Чего-чего? Какое еще ОБСЕ? В шестнадцатом-то веке? Бабка испепелила его взглядом и продолжила:

– Обсели, понимаешь, со всех сторон, как мухи, и давай зудеть: «Откажитесь, мол, от своей истории, признайте, что Россия страна слабая, дикая, всему хорошему Европе обязана, а мы уж...» Знаем мы ихнее «уж»! И чего удумали, стервецы: перепишите, мол, все летописи свои, будто Россия двести лет под игом была монголо-татарским! А мы ведь те самые монголы-то и есть, а татары нам – братья навек! Даже песню пели в моей молодости, помню: «Русский с татарином – братья навек! Ста...» Ну это лишнее... Нынеш-

ний царь-батюшка пока противится, а помрет – все: семья, наследнички, конечно, на уговоры супостатов поддадутся, и пропадай Россия и слава наша вековая...

– А вы-то как, бабушка, здесь оказались? – решил Георгий отвлечь расходившуюся бабульку, подозревая, что все это легко может вылиться в демонстрацию с красными знаменами вокруг избы. Особенно ярко ему почему-то виделся образ кота Баюна в красных революционных шароварах, сшитых из какого-то транспаранта с остатком кривоватой надписи «...ОЛОЙ!» на самом интересном месте, и буденовке с синей кавалерийской звездой.

– Да и не спрашивай, милок... – Баба-Яга, только что метавшая громы и молнии в адрес супостатов-европейцев, разве что не лозунги-речевки выкрикивавшая, пригорюнилась, в руках ее неведомо откуда появился синий клетчатый платочек, и стала она напоминать другую картину великого живописца-сказочника – «Аленушку».

– Чего привязался к человеку... – недовольно пробормотал со своего насиженного места кот, совершенно невидимый в полумраке, будто бы про себя, ни к кому не обращаясь, но адресуя свою эскападу ушам Георгия. – Приволокся незнамо откуда, беспаспортный-беспортошный, разбередил женщину...

Арталетов запоздало сообразил, что тут замешана совсем не политика, и прикусил язык...

В огромном камине, где можно было наверняка зажарить целиком бычью тушу, весело потрескивали огромные поленья, бросавшие красноватые отблески на угрюмых членов трибунала. Судили, конечно, шевалье д'Арталетта...

Только что неподкупные судьи заслушали свидетелей, среди которых были и граф де Лезивье де Монфреди де Шарлеруа дю Рестоне, муж прекрасной возлюбленной шевалье, и секретарь графа Гастон, и черный кот, и папаша Мишлен и даже непонятно откуда взявшийся в здешних местах и, главное, временах сержант Нечипоренко при фуражке, «демократизаторе» и полной парадной форме сверху до пояса, но почему-то в телесного цвета колготках, пышной баалетной пачке и пуантах. Ничего, способного порадовать Георгия, свидетели не показали, но не уставали чуть ли не в каждом слове поносить его на все корки, обливать грязью и нести явную ахинею, скрупулезно тем не менее протоколируемую одним из дровосеков. Работник топора, временно отставив свое основное орудие труда в уголок, старательно водил по бумаге скрипящим пером дорогого «паркера», полностью скрывающегося в заскорузлой ручище, высунув при этом от усердия язык.

Трибунал состоял сплошь из незнакомых лиц. Да и как было опознать среди заседателей знакомое лицо, если все

они, без исключения, скрывались под глубоко надвинутыми капюшонами мрачных ряс?

Завидев карабкающегося на свидетельское место лесного клопа, сплошь загипсованного и опирающегося сразу на четыре костыля, Арталетов застонал и понял, что его песенка спета. Не поддающиеся счислению родственники потерпевшего, посверкивая жгучими глазами, подкручивая усы и показывая на пальцах, что ждет несчастного, обидевшего их кунака, почтительно поддерживали последнего под многочисленные локти...

В первый раз Жора пожалел о своем врожденном гуманизме...

– Итак, – проскрипел, поднимаясь на ноги, председатель, когда калека перестал шепеляво и гнусаво перечислять лишения, перенесенные им по вине залетного гастролера, – кто-нибудь может сообщить что-нибудь, хоть на йоту оправдывающее преступника?

Как же, сможет кто-нибудь... Все, кто мог замолвить за Георгия хоть словечко, присутствовали тут же, но рты их, к сожалению, были заклеены липкой лентой... И Серега, и Леплайсан, и бабка, и волк (ему коричневый китайский скотч обматывал всю морду так, что непонятно было, как собираются его освободить от липучки, намертво приклеившейся к шерсти) сочувственно смотрели на подсудимого, но поделаться ничего не могли. Глаза говорили более чем красноречиво, но разве взгляд можно подшить к многотомному делу

в качестве свидетельского показания?.. Лишь одного милого и полужнакомого лица не видел Жора в зале...

– Ну, в таком случае мы переходим...

– Пойдите! – раздался от дверей чей-то звонкий голос, заставивший сердце Арталетова учащенно забиться. – Я могу оправдать его!..

Жора рванулся навстречу красному отблеску и... со всего маху грохнулся с полатей на пол.

Тощий домотканый половик, надо сказать, плохая замена мату. Нет, не тому мату, который едва не сорвался с губ пострадавшего, а самому настоящему, гимнастическому...

*А то мои подружки пиявки, да лягушки —
Фу какая гадость!*

Эй, жизнь моя жестянка!!!

А ну ее в болото!

Юрий Энтин. «Песенка водяного»

На рассвете третьего дня построжавшая старуха (видимо, подлый кот-особист все-таки сумел заронить подозрения в ее душу, если таковая, конечно, у нечистой силы имеется) вывела Арталетова со двора, повернула лицом к чаше и сунула ему в руку какой-то мохнатый округлый комочек со словами:

– Брось перед собой и иди за ним, куда покатится. Он тебя к людям выведет. А мне, прости, милоч, недосуг с тобой тут возжаться...

– А кто «он»-то? – не понял Георгий, вертя в руках странную вещицу.

– Да клубок же, бестолковая твоя голова! – рассердилась на неразумного постояльца Баба-Яга. – Вот, в руке ведь держишь!

Странный комочек действительно оказался мотком серых грубых ниток явно не фабричного производства. От него столь же явственно тянуло псиной, как и от говорящего волка, который в последний день как-то не попадался Георгию

на глаза, и так же, как и от волчьего духа, на глаза нашего героя навернулись слезы, а в носу отчаянно защипало.

– Спасибо, бабушка! – пробубнил он в нос, неумело кланяясь бабке в пояс, как требовалось по канонам русских народных сказок, и больно получив при этом по колену тяжелым хрономобилем, выскользнувшим из-за пазухи. – И за клубок спасибо, и за заботу, и за то, что на путь истинный наставили, глаза глупому открыли...

Непонятно, откуда взялась былинная напевность в речах коренного горожанина, к фольклору всегда имевшего самое поверхностное отношение (так, тосты, пословицы, иногда, при случае опять же...), но бабка заметно помягчала.

– Да чего уж... Не за что, милоч, благодарить-то – работа это моя, призвание, так сказать...

Еще мгновение, и, окончательно смягчившись, добрая в душе женщина наверняка вернула бы гостя в дом, нерешительно переступавший позади нее с ноги на ногу, будто огромный петух (а он и в самом деле оказался вовсе не женского пола, не избушкой то есть, а именно домом или, если так можно сказать по-русски, «избушем», о чем позволяли судить громадные шпоры на куриных ногах, больше напоминавшие желтоватые слоновьи бивни), но где-то на пределе видимости, словно тень Отца Гамлета, черной молнией проскользнул кот, который, конечно, все испортил.

– Иди уж... Долгие проводы – лишние слезы, – нахмурила искусно выщипанные и подведенные брови Яга. – Скатер-

тью, так сказать, дорога...

Понуриив голову, Георгий зашагал прочь, то и дело ойкая, когда босая нога, непривычная к такого рода экстриму, наступала на незаметный в мягкой траве сучок или еще какую-нибудь коварную гадость. Клубок он решил бросить где-нибудь подальше от дома, стесняясь последовать бабкиному совету сразу. Врожденный материалистический взгляд на окружающую действительность мешал: а вдруг не покатится, обычным мотком ниток окажется?

Не успела высокая, крытая потемневшим от времени тесом крыша «избуша» на курьих ногах скрыться за кронами деревьев, как из папоротников, густо разросшихся по обе стороны едва намеченной тропинки, которой явно никто из двуногих не пользовался (в сарайчике за домом Арталетов своими глазами видел дюралевую ступу весьма аэродинамичных очертаний с откидным плексигласовым фонарем, трехзначным бортовым номером и эмблемой каких-то непонятных ВВС на клепаном боку), материализовался клочком темноты кот.

— Ну что, контра недобитая, покалякаем по душам? — кроважно осклабился Баюн, заступив Георгию дорогу. — Без лишних ушей...

К котам Георгий с детства относился толерантно, даже гладил при случае, сюсюкая традиционное «кис-кис», но оскорбительное поведение наглеца переполнило глубочайшую чашу его терпения.

– Ах ты... – даже задохнулся он от возмущения и зашарил глазами вокруг в поисках какой-нибудь палки или камня.

Ничего подходящего, как назло, не попадалось, лишь сосновые шишки.

«Откуда они здесь в широколиственном лесу? – подумал наш герой, протягивая руку к самой большой. – Сосен-то вокруг нет...»

Зря подумал, потому что шишка тут же обернулась чем-то мягким и мерзким на ощупь...

Утешая себя, что это всего лишь перестоявший гриб (хотя откуда, скажите на милость, грибы в такое время?), Арталетов в сердцах метнул в кота, испуганно прижавшего уши и сразу уменьшившегося в размерах, путеводным клубком.

Зловредное животное, конечно, тут же испарилось, мяукнув напоследок какие-то нечленораздельные угрозы, но клубок канул в зарослях, и пришлось кинуться за ним очертя голову, не обращая внимания на ветки, в кровь царапающие щеки, и ежесекундно угрожающую глазам колючую хвою (опять она откуда-то взялась на нашу с героем голову!).

Круглый гид (какой там «гид» – гад настоящий!), конечно, «с концами» не сгинул, то и дело показывая преследователю, когда он совсем было отчаивался, кончик растрепанного нитяного хвостика и заставляя набирать темп, молясь про мифическое «второе дыхание»...

Долго ли мчался за клубком Арталетов или коротко, но в конце концов тот начал понемногу замедлять движение, воз-

можно, выдыхаясь, а может быть, и жалея «ведомого», которому казалось, что еще один шаг – и он рухнет в лесную траву, чтобы больше не подняться, поэтому последние несколько сотен метров Жора прошел чуть ли не прогулочным шагом за медленно катящимся в двух метрах впереди поводырем.

В груди сипело и хрипело не хуже, чем у говорящего волка, ноги дрожали и подгибались, болванка хрономобиля, болтающаяся на цепочке, набила столько синяков на ребрах, что хотелось сорвать ее и зашвырнуть куда-нибудь к чертовой матери, пот застилал глаза...

Наконец в редколесье клубок остановился, будто говоря: «Все, пришли», и Георгий без сил упал на колени, привалившись плечом к сосновому стволу, на глазах превращающемуся в кленовый. Рука сама собой нащупала «луковицу» хрономобиля и нерешительно замерла на кнопке возвращения. Перед глазами все плыло, и лишь самый краешек сознания улавливал, что они давно видят что-то красное...

* * *

Головокружение проходило, оставляя лишь огромную неподъемную слабость, всегда следующую за мышечным перенапряжением. Мозг постепенно получал возможность воспринимать краски окружающего мира, щебет птиц, стрекот кузнечиков на близком лугу, залитом ярким солнечным све-

том, который виднелся за редкими древесными стволами.

Красное пятно, на которое Арталетов пялился уже битый час, оказалось парой изрядно поношенных сапог, вернее, ботфуртов с мягкими голенищами, приспущенными гармошкой. Обувка сиротливо стояла посреди небольшой полянки, под огромным раскидистым дубом, словно приглашая: «Возьми нас с собой, прохожий!»

В обычной обстановке Жора никогда бы не посягнул на чужую собственность – не то у него было воспитание, но босые ступни, перемазанные грязью и травяным соком, сбитые в кровь, ноющие, как больные зубы, выглядели настолько жалко, что, преодолевая стыд, он подполз на коленках к дару Фортуны¹⁹ и протянул к нему руку...

Какой удар судьбы! Сапоги едва налезали Жоре на руку игодились, несмотря на сугубо мужской, «мушкетерский», фасон, только на девочку-подростка, так мал был их размер.

¹⁹ Фортуна – в древнеримской мифологии богиня удачи, изображаемая обычно с колесом, символизирующим ее переменчивость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.